

Татьяна
Еришк

Лунная
дорога - 1

Татьяна Герцик
Лунная дорога. Часть 1
Серия «Дорога», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
ISBN 978-0-4636-9190-8

Аннотация

Как все непросто в этой жизни! Сложные отношения родителей оставляют в душах детей боязнь предательства и измены. А так хочется, чтоб любовь была настоящей, крепкой и счастливой, но все получается вовсе не так, как мечталось...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	31
Глава третья	62
Глава четвертая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Татьяна Герцик

Лунная дорога. Часть 1

© Татьяна Герцик

* * *

Глава первая

Ночь выдалась на удивление теплой. Легкий ветерок отгонял назойливую мошкару, и она пела свою нудную песню где-то в вышине. Я сидела на берегу величественной реки, замороженная удивительным зрелищем.

Огромная луна, поднимаясь из-за противоположного берега, превратила воду в расплавленное серебро. Еще немного и можно раствориться в этом огромном зазеркалье. Так хотелось пойти по раскинувшейся передо мной невероятной серебряной дороге, но я понимала, что дороги нет, это только оптический обман.

Неслышно подошел и сел рядом отец, обхватил колени, положил на них подбородок и замер, глядя на реку.

– Красиво? – папа тоже был удручен. Еще бы – бабушка для меня была бабушкой, а для него она была мамой.

– Красиво. – Я постаралась, чтобы голос не дрожал, но он все равно дрогнул на последнем слове. – Вот бы уйти по ней в эту ослепительную даль...

– Не надо, моя дорогая, – серьезно предостерег отец. – По этой дороге уходят навсегда. Уходят туда, откуда нет возврата. К сожалению, по ней ушла и наша дорогая бабушка. Но тебе лучше по этой дороге не ходить. Пока не придет твое время.

– А когда оно придет? – я не понимала, чем может грозить

мне эта божественно прекрасная лунная дорога.

– У каждого свое время. Запомни, дочка: по лунной дороге нельзя просто гулять. По ней можно только уходить. На-всегда. Старайся никогда на нее не вступать. Запомнишь?

Он говорил со мной как с маленькой, рассказывая волшебную, далекую от реальности сказку, и я легко согласилась:

– Ладно. Запомню.

Мы посидели еще немного. Потом папа спросил:

– Пойдем домой?

Я отрицательно покачала головой. Такие удивительные ночи в наших краях были редкостью, и мне хотелось еще посидеть под этой невероятной луной и полюбоваться серебряной дорогой.

Он тяжело поднялся.

– А я пойду. Что-то устал. Но ты долго не засиживайся. Мама будет беспокоиться.

Он ушел, а я так же, как до этого он, подтянула коленки к подбородку, устроилась поудобнее и принялась смотреть на изменчивую воду.

Огромная река манила к себе и звала, обещая что-то непонятное, но очень приятное. Но я не поддавалась на ее коварный зов, и купаться не шла. Во-первых, я была достаточно взрослой, все-таки через месяц иду в одиннадцатый класс, чтоб купаться в одиночестве по ночам, а во-вторых, в этом месте после весеннего лесосплава оставалось полно коряг, о

которые вполне можно было пораниться.

Берег вроде как принадлежал нашему садовому товариществу, и, по мнению местных властей, чистить его должны были мы. Но у нашего правления было другое мнение – все берега и реки в нашей стране принадлежали государству, то есть тем самым местным властям, и чистить дно реки должны были они.

В общем, купаться тут было нельзя. Подальше, внизу, возле деревни Ясини, был оборудован неплохой пляж, и я часто туда ходила плавать, но днем. А здесь мне нравилось потому, что с высокого пригорка было видно все вокруг.

Тишина завораживала, заставляя думать о чем-то неземном, вечном, таком, что существовало испокон веку и которому дела не было ни до меня, ни до других недолговечных людишек.

Внезапно, взрывая безмятежность ночи, справа раздался женский визг и мерзко загромыкала оглушительная музыка. Захотелось зажать уши и выругаться.

Опять! Сколько раз этим придуркам из соседней деревни говорили, что ночью люди спят, но что им до других? Им хорошо, и ладно.

Орало радио «Шансон», транслируя мерзкий блатняк, пара упившихся вусмерть бабенок подпевала ему визгливыми голосами, им вторили мужские нетрезвые баритоны.

Очарование ночи пропало. Вздохнув, я поднялась, отряхнула шорты и осмотрительно, чтоб не попасться на глаза пья-

ной швали, пробралась за ограду товарищества.

Наш кооператив когда-то принадлежал областному профкому научно-исследовательских институтов области, вернее, членам профсоюза. Профком давно расформировали, но в товариществе до сих пор состояли приличные люди, шантрапы, как в других таких же садоводческих хозяйствах, не было. Нашими соседями слева была семья преподавателей классического универа, справа жили кандидаты наук одного из НИИ.

Да и мои родители тоже не выпадали из общей когорты: папа, кандидат физико-математических наук, служил, как он красиво изъяснялся, в научно-исследовательской лаборатории одного из оборонных заводов, мама, тоже кандидат, только уже медицины, работала в областной больнице. Уже взрослый брат тоже недавно защитился, став кандидатом физико-математических наук, и уехал в Москву по приглашению одного из ведущих научных институтов страны.

Бабушки и дедушки с обеих сторон у меня тоже были весьма и весьма культурными людьми. И прабабушки и прадедушки тоже. Так что происхождение у меня самое что ни на есть интеллигентно-интеллектуальное.

Что меня и убивает.

Мои подруги могут себе позволить и выражения заковыристые завернуть, и послать куда подальше, и любому нахалу в глаза свое мнение о нем нелицеприятно высказать, а вот я не могу. Ну просто язык не поворачивается. Хотя я и пыта-

уюсь иногда. Особенно когда парни достают. Типа: «куда спешит такая красотка одна и без охраны?» или еще почище: «ты так хороша, что я на тебе сразу женюсь, только скажи, как тебя зовут?».

Здорово, да? И я давно убедилась, что до подобных типов суровая правда жизни доходит только тогда, когда их пошлешь. Причем далеко и надолго. Исключительно нецензурно. А что делать? Нормальных слов они не понимают. А у меня с русским матом напряженка. И посылаю я их только после большого напряжения, переступив через себя. Причем после этого у меня настроение портится основательно и надолго. А вот у них, наоборот, улучшается.

Мне после моей отповеди, популярно до него донесенной, один тип так и сказал:

– А чего резину столько времени тянула, мозги мне парила?

Так что меня мое сверхкультурное происхождение и воспитание реально напрягают. Не дают влиться в народ и общаться с людьми доступно, по-человечески. В их понимании, конечно. Но, впрочем, это мелочи. Семья у меня хорошая, но была еще лучше, когда была жива бабушка.

Она меня вырастила. Родители отдавали себя науке, карьере строили, а мной и братом занималась бабушка. С ней было классно. Очень классно. Она не ругала, она объясняла, что в наши торопливые времена большая редкость. И для нас у нее всегда находилось время.

Как здорово было после школы сбросить с себя надоевшую школьную форму, слегка перекусить и, забравшись бабушке под крылышко, слушать ее воспоминания о нашей семье, о прошлых временах, да вообще обо всем!

Мне порой казалось, что бабушка знает все. Абсолютно все! Она была энциклопедически образованным человеком. И тоже выросла в интеллигентной семье. Или, как она говорила, в интеллектуальной, потому что слово интеллигенция слишком надуманное.

И вот бабушки больше нет. Как я буду жить без нее, не представляю. Родителям тоже придется туго – теперь все домашние хлопоты лягут на них. Я давно заметила, что бабушка в нашей семье была чем-то вроде бесплатной прислуги. Но она не жаловалась, и все домочадцы принимали это как данность.

Я ей по мере сил помогала, но, как теперь понимаю, помогала мало. Надо было больше. Теперь остается только жалеть.

Открыв калитку, подошла к нашему дому. Именно дому, а не жалкой садовой хибарке. Дело в том, что наше товарищество с самого начала, а это пятидесятые годы прошлого века, было привилегированным, и участки здесь нарезали по двадцать соток. Ну и дома строили соответственные.

Зашла в прихожку, стараясь ступать бесшумно, чтоб не потревожить родителей. Уничтожая на корню мои добрые намерения, из комнаты родителей послышался тихий мамин

ГОЛОС:

– Маш, это ты?

Я так же тихо ответила:

– Да, мама, спи!

И почему она без меня никогда не засыпает? Это же глупо. Ведь прекрасно знает, что ничего со мной не случится. Особенно здесь, на даче, где все друг друга знают практически с рождения.

Тишком пробралась к себе на второй этаж, немного постояла перед закрытой дверью бабушкиной комнаты, тяжело вздохнула и пошла к себе. Уснула быстро, как всегда. На даче всегда спится хорошо. Это не в городе, где за стенами то что-то шмякнется, то кто-то всхрапнет. А мы еще в полногабаритном кирпичном доме живем, там звукоизоляция хорошая.

Что же говорить о панельных домах? Недаром их музыкальными шкатулками величают. В этом есть смысл, ведь так пыточные камеры в свое время называли, в которых постоянно музыка звучала. Редко кто после такого с ума не сходил.

Вот и в наших муравейниках так же. Шум постоянно. А мама говорит, что шум, даже дозированный, на здоровье влияет очень плохо. Это не только ужасное настроение, повышенная тревожность, но и заболевания, которые с шумом обычно не связывают – опухоли разные, инфаркты, инсульты и прочая такая же бяка. А ей можно верить, она кандидатскую диссертацию как раз о влиянии шума на человеческий

организм защитила.

Утром родители уехали на работу, я осталась на даче одна. Скучно, конечно, особенно если привыкла жить с бабушкой. Бояться я не боялась – кругом соседи, всех я их знаю с малолетства, но просто одиноко, тоскливо даже.

В полдень ко мне заглянула тетя Валя, соседка через дом, позвала перекусить, чем Бог послал. Пришлось идти, а то обидится. Она поболтать очень любит, а не с кем. Обычно тетя Валя приходила с бабушкой покалякать, как она говорила, но теперь есть только я.

Чувствую себя заурядным раком, который хорош только на безрыбье, ну и ладно. К тому же раки нынче считаются деликатесом, потому что живут только в чистой воде. А где ее взять, чистую-то воду, если все вокруг отравлено подчистую?

К моему огорчению, на кухне тети Вали сидел какой-то длинноносый парень в джинсовых черных шортах и синей майке. При виде меня он тотчас восхищенно округлил глаза, сделал охотничью стойку и принялся дотошно выспрашивать, кто я, что я, где я. Хорошо, тетя Валя ненавязчиво так напомнила ему о предстоящем бракосочетании, и он увял.

Мне нравится тетя Валя, впрочем, так же как и большинство наших соседей, но вот только уж очень много у нее родственников мужского пола. Любопытных и навязчивых.

Вот и теперь пришлось пошустрее сбежать, а то, судя по горящим глазкам этого типа, его бы и мысль о невесте не

остановила, подай я ему малейший намек. Хотя невесты бывают разные, не спорю.

Едва доев салат, поблагодарила ее и поскорее улизнула к себе от греха подальше и заперла калитку на засов. У нас вокруг всех дач заборы из рабицы высотой в два с лишним метра. Не потому, что мы друг другу не доверяем, а потому, что так спокойнее.

Немногие живут здесь круглый год, большинство домов зимой пустует. И хоть сторож есть, но для обхода всех участков ему несколько часов требуется, вот пару лет назад и решили на общем собрании поставить вокруг участков одинаковые заборы для облегчения его работы.

Вроде как и дизайн не испортили, и безопасность повысили, теперь ворам в дома попасть гораздо сложнее, нежели раньше, когда участки только межи разделяли. Лезть через высоченный забор себе дороже, к тому же и сигнализация сработает.

Пошла на кухню, взялась за готовку. Скоро должны были папа с мамой приехать, их кормить надо, теперь это моя обязанность. Хорошо, что я всегда с бабушкой готовила, что делать знаю. Мне кулинария не то что нравится, но и не напрягает, как некоторых из моих подружек, которые даже примитивный омлет приготовить не в состоянии.

Сварганив пюре с котлетами и легкий овощной супчик из подножного корма, взяла букридер и пошла в сад почитать. Солнце припекало, поэтому отправилась я к высоким раски-

дистым яблоням: от них тени больше и ветерок свежий такой обдувает.

Улеглась на стоящие под ними качели, они у нас большие, четырехместные, тут и полежать с удобством можно, и принялась перечитывать Толкиена. В принципе, у нас дома большая библиотека, как раньше говорили, семейная, собирали ее мои предки из поколения в поколение, но я предпочитаю гаджет.

Хотя бумажную книгу в руках держать и приятнее, я не спорю, но попробуй найти нужную в огромной массе книг! Особенно когда никто не озадачивается поставить взятую книгу туда, где она стояла. А если учесть, что у нас только книжных шкафов по всем комнатам и коридорам распихано полтора десятка, то задача становится невыполнимой.

А с ридером все просто – выбрал по каталогу нужную книжку, и вот она перед тобой на экране! Читай – не хочу!

Я подложила под спину подушки, закинула ноги на спинку кресла и принялась вчитываться в текст, забыв про все вокруг. Интересно пишет, мне нравится, не оторваться.

...«К Фродо приближались черные всадники». У меня захватило дух, как вдруг, разрушая очарование книги, среди полной тишины и покоя раздался тихий призывный свист. Подняла взгляд повыше и раздраженно охнула. Ну вот, я так и думала! Этот псевдожених стоял у нашей ограды, кивал мне пустой головушкой и посвистывал, как дворовой собачонке!

Всем своим видом излучая неодобрение, молча встала и, не глядя в его сторону, ушла в дом. Дочитывала я книгу уже в общей комнате внизу. Она на северной стороне, так что в ней не так жарко.

Дочитать не дали вернувшиеся с работы родители. Быстро перекусили, и мы всей семьей пошли купаться на местный пляж. Расстелили покрывало, скинули купальные халаты, мама с папой купаться ушли первыми, я осталась на стреме. Конечно, все вокруг свои, но береженого, как говорится...

Пахло свежескошенной травой, цветами и летом. Даже не летом, а летним вечером. Вечер, он пахнет не так, как утро. Запахи острее почему-то. К тому же у воды. Комаров не было, солнце хотя и не пекло так, как днем, но еще не остыло. Благодать, одним словом.

Мне вообще очень нравилось на этом полудиком пляже. В принципе, если бы у меня была компания, я могла бы сюда и днем ходить. Но вот только моя подружка по саду в этом году уехала в Турцию, а в одиночку я по таким злачным местам не хожу. Зачем зря собак, то бишь мужиков, дразнить?

Вот и теперь, несмотря на сдерживающее присутствие родителей, рядом со мной тут же обосновалась компания парней из нашего же садового кооператива, и понеслось:

– Маш, иди к нам! Хватит со стариками сидеть!

Вернувшиеся после купания родители переглянулись. Нет, они, конечно, понимали, что «старики» – это кодовое

название родителей, так же, как и «предки», но им это все равно не нравилось. И они были правы. Какие же они старики? Мама вообще кажется моей ровесницей, она настоящая красавица, да и папа очень видный мужчина.

Отмахнувшись от надоедливых парней, я осталась сидеть там, где сидела, а именно подле родителей. Они негромко рассказывали, как день прошел, я слушала, мне было интересно.

Внезапно меня кто-то подхватил на руки и унес. Я уже знала, кто это. Вадька Петров, наш сосед по даче и, как он постоянно заявлял, мой самый упорный поклонник. Папа, глядя на это безобразие, только головой покачал. А что сделаешь? Папа с Вадькиным отцом работал вместе, они друг друга уважали.

Пользуясь этим, Вадька и позволял себе некоторые вольности. Правда, дальше неловких попыток поцеловать не шел, не то б я его так турнула, сизой пташкой бы летел далеко-далеко. Он это хорошо понимал, поэтому больше трепался, чем делал.

Усадив меня на покрывало в их чудной компашке, сел рядом и радостно выдохнул:

– Наконец-то ты со мной!

Я на этот бред сивой кобылы даже и отвечать не стала. С таким же успехом можно было сказать, что я с Серёгой, Сашкой или Данилой, сидевших вокруг и глядящих на меня восторженными телячьими глазами, как голодные бычки на

охапку сена.

А я больше всего не люблю, когда на меня пялятся вот таким слюнявым взглядом. Я человек, который звучит гордо, а не сексуальный объект! Донесла это свое мнение до парней, и они разом томно вздохнули. И хотя на мне надет скромный закрытый купальник, под их загоревшимися нехорошим огнем глазками я вмиг почувствовала себя совершенно голой.

Да, это мой стиль – ляпну что-нибудь, а потом думаю, зачем вообще рот открыла? Давно ведь знаю, что при этой мелюзге про секс поминать нельзя. У них же все мозги на это заточены. И не мозги тоже.

– Ну ты сказанула! – Вадьке, как и мне, не понравились слюнявые морды дружков. – Мы тут вовсе по другому поводу собрались.

– И по какому же это? – ехидно поинтересовалась я. – Вам что, вожак для пакостей нужен или девочка для битья?

И это тоже было правдой. Маленькую меня они частенько уговаривали на всякие хулиганские действия. Залезали в чужой огород, потому что у соседей клубника всегда слаще, а меня на стреме оставляли. Естественно, они убегали, оставляя меня на расправу разозленным хозяевам, и отдуваться за их художества приходилось мне.

Правда, меня не ругали, потому что, как сказал дядя Миша, владелец самой аппетитной делянки земляники, «такого ангелочка ругать грех», и в самом деле не ругал, а выдавал корзинку ягод, чтоб я по чужим участкам не шастала. И даже

родителям о моих подвигах не сообщал.

Но с тех пор прошло много лет, я поумнела и больше в подобные авантюры не ввязывалась.

– Ни то, ни другое, – серьезно заверил меня Сашка. – Нам нужно, чтоб ты одного парня окрутила.

Я даже глаза выпучила, не зная, что на этот бред сказать. Глядя на мое изумление, Сергей как-то по-девчоночьи похихикал и продолжил:

– Понимаешь, этот тип глаз положил на Ленку, поразвлекся решил. А она, дуреха доверчивая, думает, что все всерьез. Выручи, а? Отвлеки его на себя, тебе же это раз плюнуть.

Я недоуменно пожала плечами. Ленка – сестра Сереги, понятно, что он о ней беспокоится. Но отчего они сами-то этого ловеласа к порядку призвать не могут?

– А почему бы вам самим с ним не поговорить? По-мужски, так сказать?

Парни потемнели и нервно опустили глазки долу. Типа они скромные очень, застенчивые даже.

– Пытались. Не получилось ничего, – с горестным вздохом признался Серега. – Он в десанте служил, приемчики знает. К тому же он из Ясиной, там народу мало, но сплоченные такие, гады. В общем, на разборку с ним вместе еще десять парней пришло. Не хилых.

Конечно, не хилых. Деревенские парни с детства тяжелым трудом занимаются, в отличие от сидящих передо мной го-

рожан, которые физические нагрузки себе искусственно создают, в спортзале. Хотя посмотреть на них приятно – мускулатура развитая, бицепсы, трицепсы и что там еще у них должно быть, имеется, весьма даже рельефно, и даже кубики на животе посчитать можно.

– Понятно, – мне и вправду все было понятно. Четверем этим далеко не самым сильным мальчикам просто нечего было противопоставить по-настоящему сильным деревенским парням. Если только наглость. – Дружеский разговор не помог.

– Не помог, – хором подтвердили они и рассмеялись. – Помоги ты, а? Пропадет Ленка ни за грош. Ты наша последняя надежда.

Я призадумалась. Я хорошо знала Лену. Милая девочка, на мой взгляд, излишне наивная и доверчивая. Она была старше меня на год, училась в колледже то ли на массажистку, то ли на парикмахера. Из нее получилась бы прекрасная жена – заботливая, ответственная, хозяйственная. Что в наше время среди горожанок редкость.

Я это точно знаю, потому что мой переборчивый братец много лет искал себе такую женушку среди своих многочисленных городских подружек, но так и не нашел. И до сих пор холостякует, хотя старше меня почти на десять лет.

Идеалы, они такие. Почему-то попадаются другим, только не тебе. Это стандарт любой жизни, тем паче мужской. Особенно тех парней, кто не умеет ценить то, что имеет и

постоянно гоняется за жар-птицей, которая в наших скромных куцах не водится, не в раю, чай, живем.

Это не мои умозаключения. Это мне бабушка много раз говорила. Она и брату это объясняла, но он ее слова между ушей пропускал, отвечая, что его бабушкины сентенции из стародавней жизни не интересуют.

И вот недавно, когда мы с ним по смартфону болтали, он мне по секрету сказал, что был не прав. Что нужно было ему бабушку слушать, когда она ему Иришку, одну из его многочисленных подружек хвалила и просила, чтоб не упустил.

Макс ее оставил, а теперь вот жалеет. Но поздно – она замужем уже, двое детей. И муж не из тех, кто по сторонам поглядывает. Да, умнее нужно было быть в свое время, умнее. И дальновиднее. И старших слушать.

В общем, бабушка оказалась права. Как всегда.

Вспомнив про бабушку, я снова пригорюнилась. Опять заболело сердце, и я сердито ответила вопросительно глядящим на меня парням:

– Лену мне жаль. Но вмешиваться в чужие отношения я не буду. Вдруг там все серьезно, а я им помешаю? Да и с чего вы решили, что он на меня поведется?

Вадька с затаенной грустью меня уверил:

– Да тебе стоит ему в наглые глазенки посмотреть и улыбнуться, и все, он твой навеки.

И тут черт меня дернул его подначить:

– Как ты?

Он печально усмехнулся и, вместо того чтоб меня высмеять, серьезно признал:

– Да, как я.

Мне стало не по себе. Ну к чему я постоянно ляпаю не то, что нужно? Не зная, как реагировать на это странное признание, промолчала. Выручил меня Серега:

– Ты ничему не помешаешь. Этот Леха Красовский девчонок коллекционирует. Он даже с парнями об заклад бился, что любая будет его, едва он свистнет. Так что Ленка просто на развод попала. Ночами не спит, по саду бродит. Мечтает. А он такой – попользуется, бросит, да еще и посмеется. В общем, помоги, а?

Мне в это грязное дело влезать вовсе не хотелось, и я постаралась увернуться:

– А если я и сама на него западу? Что тогда?

Парни переглянулись и дружно рассмеялись.

– Ты? Влюбишься? Seriously? Да тебя кто только соблазнить не пытался! Даже киноактеры вокруг тебя вились, и что? На кого ты запала?

Я разобиделась. Нет, это что же? Я что, по их мнению, даже и влюбиться ни в кого не могу? Из железобетона я сделана, что ли? И тут в моей буйной голове возник не менее шальной план, чем у парней.

Познакомлюсь с этим Лехой Красовским и притворюсь, что вусмерть в него влюбилась. Вот тогда они пожалеют, что втравили меня в это дело, но будет поздно.

Сделав вид, что повелась на их уговоры, снисходительно согласилась:

– Ладно, посмотрю на этого вашего доморощенного Казанову. Но только издалека. Потом и решу, как быть, – Осмотрительность, она лишней не бывает. Вдруг он страшило какое-нибудь?

– Договорились! – Сергей был рад, а вот Вадька не очень. Похоже, он рассчитывал на мой категоричный отказ.

Я посмотрела в сторону родителей. Они о чем-то тихо препирались, сердито глядя друг на друга. Понятненько, опять отец маму к кому-то приревновал. И не надоело ему? Сколько можно, ведь далеко уже не юнец. Маме за сорок, отец постарше. Или это мне кажется, что они не молоды, а они считают, что в самом расцвете сил и только-только начинают жить, как говорила мне бабушка? Не знаю...

Вадька положил руку мне на колено и спросил:

– Пойдем, искупнемся?

Я свирепо посмотрела на его нахальную ручонку. Он нехотя ее убрал и демонстративно понурился. Надо же, он еще и обижается! Не понимаю я этих парней – нарушают мое жизненное пространство и при этом еще считают виноватой меня! Я же к ним не лезу со всякими обжималками и поцелуйчиками, вот пусть и ко мне не пристают!

Вадька встал, протянул мне руку. Пришлось подниматься. Но руку я ему не дала. Обойдется. Быстро пробежала вперед и с разбега влетела в прозрачную теплую воду. Бухнулась в

ласково принявшую меня реку и, засмеявшись от нахлынувшего счастья, поплыла.

Плавала я неплохо. Зная дурную привычку парней подкрадываться поближе и хватать за разные места, быстро нырнула и чуть не столкнулась с Вадькой, как раз в этот миг подбиравшегося поближе. Стремительно изогнувшись, ушла от его захвата и выскочила на поверхность. Едва он показался следом, мрачно пообещала:

– Если ты еще раз попробуешь свои ручонки распускать, я тебя знать не буду! Ты меня понял?

Он подплыл поближе и жалобно протянул:

– Ну почему ты такая?..

Я потребовала уточнения:

– Какая такая?

Он немного подумал. У него всегда были сложности с формулировками. Он привык изъясняться двумя словами, и оба из них были неприличными. Но все-таки собрался с мыслями и пояснил свою глубокую мысль:

– Недотрога.

Поймать его в словесные тенета было проще пареной репы, что я и сделала:

– Это плохо?

Он снова подумал.

– Не для всех.

– Для кого конкретно плохо? – я отплыла подальше от малыша на надувном круге, с воодушевлением колотивше-

го руками по воде и вполне заменявшего средней величины фонтан.

Плывшая рядом с ним мамочка с подозрением глянула на нас с Вадькой, явно решив, что мы занимаемся чем-то неприличным. Ну и пусть. Каждый судит по себе, это уж как водится.

– Для меня, – подплывший поближе Вадька решил докопаться-таки до сути вещей.

– То есть то, что хорошо для других, плохо для тебя? – я легла на спину, закинув руки за голову и для равновесия медленно перебирая ногами.

– Как-то так, – он тоже устроился на спине рядом со мной.

Соображал он еще труднее, чем обычно, поскольку не мог отвести взгляда от моей груди. Надо было перевернуться, но было лень. Да и почему я должна вести себя как затворница в келье? Почему им можно, а мне нельзя? К тому же, где гарантия, что моя пятая точка не понравится ему еще больше, чем грудь? А я это даже и отследить не смогу, не то, что пресечь?

– Ты что, извращенец? – это было жестоко, но как еще отвязаться от прилипчивого парня?

– С чего это ты решила? – востропел он и даже соскользнул вглубь, не удержавшись в статичном положении.

– Ну, раз ты не такой, как все...

– Я такой же, – возмутился он, явно подумав про секс-отклонения. – Ничего во мне ненормального нет, – и с откоро-

венным намеком обвел взглядом мое тело.

Встав в воде солдатиком, чтобы уменьшить его обзор, провокационно заявила:

– Тогда то, что я недотрога, хорошо не только для других, но и для тебя тоже, разве не так?

Мои софизмы привели его в состояние полной прострации, и он только вздохнул, ничего не отвечая и продолжая пристально изучать мою виднеющуюся в воде грудь. Мне это не нравилось, но возражать было глупо. Я же не на необитаемом острове живу, люди кругом. Значит, глазеть можно. Это трогать нельзя.

Мы с ним так и проплавали минут десять: он рядом, как говорят, в шаговой доступности, или, что точнее, одного гребка, и я с глупо-гордым видом, будто не нахожусь полу-голая в воде, а выступаю при полном параде по центральной улице города. Смешно, конечно, но что поделаешь? Как еще дать ему понять, что он мне не нравится?

Неподалеку раздался голос отца:

– Маша, еще немножко и домой. Мы уходим.

Я тут же выскочила из воды. Оставаться без родителей, как сдерживающего парней кнута, мне бы и в голову не пришло. Я не любитель любовных признаний. Тавтология, ну и черт с ней. Осмотрительность и еще раз осмотрительность – вот мой девиз! Никогда авантюризмом не страдала, надеюсь, не буду и впредь.

Быстро накинула пляжный халатик, и мы втроем пошли

на дачу. Парни обездоленно смотрели мне вслед, но провожать не решились. Я ведь могу и гадость какую-нибудь сказать, за мной не заржавеет. А при родителях они даже и ответить не посмеют.

Подходя к даче, папа рассмеялся и щелкнул меня по носу.

– А вот нельзя быть красивой такой! Тогда и от кавалеров за спинами родителей прятаться не надо будет!

К разговору подключилась и мама, сведя на нет всю его подначку:

– Да, доча, ты себя странно как-то ведешь. Я в твои годы уже всюю по свиданиям бегала.

Папа с укором на нее посмотрел, но промолчал. А что, я историю семьи знаю. Бабушка рассказывала. Мама замуж собиралась за другого, когда ее папа увидел. И решил, что она будет его женой. А он упорный, вот она и отказала жениху перед самой свадьбой и за папу вышла.

В общем, ужасно романтическая история была. Но вот только мне отвергнутого жениха жаль. Хотя он потом тоже женился, но до того еще пять лет возле нашего дома отирался, как бабушка говорила. Так что у любви тоже есть неприятные стороны.

– Мама, я не хочу, чтоб из-за меня кто-то страдал. Лучше никому никаких надежд не подавать. Зачем, если мне никто не нравится?

Мама сильнее стянула на груди купальный халат и насмешливо заметила:

– Какая-то ты несовременная совсем, доча, уж слишком о других заботишься. А что касается мужчин, то безответная любовь делает из мальчика мужчину. Так что это им на пользу. Пусть пострадают слегка, хоть узнают, что это такое. А то все и сразу их только разворачивает.

Сразу видно, что мама медик. Все-таки им свойственна некоторая профессиональная бессердечность. Я понимаю, что жалостью человека не спасти, особенно когда нужна решительность и некоторая жесткость, но все-таки...

– Мама, ты судишь по себе. Ты на свидания бегала, потому что у вас интернета не было и социальных сетей. Сейчас на свидания бегать некогда. Надо в компьютере пропадать, в социальных сетях светиться, селфи выкладывать, не то отсталой обзовут. Я, кстати, игрушку классную скачала, так что сейчас ею и займусь. И, уверяю тебя, она гораздо увлекательнее любого свидания.

Мама только обескуражено развела руками, не зная, что мне ответить. Мы вошли в дом. Я тут же убежала к себе, игнорируя сокрушенно-возмущенные взгляды недовольных моими словами родичей.

А что, неправда, что ли? Все правильно. Ну не встретился мне еще парень, с которым мне было бы интереснее, чем с компом. И мама зря думает, что я на свиданки не хожу. Вернее, не ходила. Я всю прошлую зиму только этим и занималась. Под чутким руководством Инки, своей подружки.

Та кого только мне не сватала! И каждый, по ее мнению,

был светилом на мужском небосклоне. Или хотя бы звездой средней величины.

И что? Сидит эта самая звезда рядом со мной, за руки хватает, мычит что-то невразумительное, да еще и облобызывать пытается слюнявыми противными губами. Скукотища несусветная! И это должно мне нравиться? Да с чего это вдруг?

Нет, если я влюблюсь, то, возможно, и понравится. Просто никто до сих пор мне не приглянулся. Хотя нет, вру. Нравился мне Влад, сосед наш по городскому дому из второго подъезда. Я тогда в восьмом классе училась, а он в высшем военном училище. Глаз с него не сводила, после школы у подъезда караулила.

Он был так хорош в военной форме цвета хаки, с погонями, стройный, высокий, элегантный! Любовалась бы им да любовалась. Хоть всю жизнь.

Но после того, как он заявил своим друзьям, с откровенным намеком на меня глядя, что девчонки все дуры и только и умеют, что парням на шею вешаться, мои чувства как ножом отрезало. Через год он сам попытался мне на шею повеситься, но это уж дудки! Пусть другую себе шею ищет.

А было время, когда я из-за него ночей не спала, просто летела к нему. И не мысленно, а почти физически. Будто я пролетаю через разделяющие нас стены и встаю перед ним. А он удивляется и влюбленно протягивает ко мне руки, нежно глядя на меня.

Но слово быстро отрезвляет, особенно недоброе слово. Я

потом сколько его ни встречала, все никак понять не могла, что мне в нем могло нравиться? Грубый солдафон, и все.

Поднявшись на второй этаж, немного постояла перед бабушкиной комнатой. Я не заходила сюда с той поры, как... В общем, несколько недель уже. Может быть, пора?

Толкнула чуть скрипнувшую дверь, вошла. Все так же, как всегда. Книжный шкаф, диван и старое удобное кресло-качалка, стоящее у окна. Пахнет травами и чуть-чуть скипидаром, бабушка скипидарными мазями лечилась. Вот только самой бабушки нет.

Села в кресло-качалку, в котором она сидела при наших неспешных разговорах, тихонько покачалась. Бабушка вообще никуда не торопилась. Она была спокойной и очень доброй. И вот этой бескорыстной доброты мне сейчас так остро и не хватало.

Почему кажется, что тот, кто тебе дорог, будет рядом всегда? Если бы я знала, что бабушка так быстро уйдет, я бы вела себя совсем по-другому. Я бы чаще с ней разговаривала, меньше бы сидела в интернете и еще прижималась бы к ней и обнимала так часто, как могла. Если бы...

Слезы снова сами закапали из глаз, я их не вытирала, кому тут на меня смотреть? Если только бабушке с небес...

Как было бы здорово, если б родных нам людей можно было бы возвращать. Вот если сильно любишь человека, пошел бы куда-нибудь, пусть хотя бы в церковь, попросил, и пожалуйста – тебе его вернули. То, что на похоронах священник

говорил, что мы встретимся потом, после смерти, меня не устраивает.

Мы изменимся к тому времени. И я буду другой, и бабушка. А я хочу, чтобы она вернулась ко мне именно такой, какой была, и совсем-совсем не менялась. И вернулась прямо сейчас.

Еще немного похлопав носом, приказала прекратить за- нудство и пошла к себе. Включила ноутбук, посмотрела на сообщения – только ВКонтакте их пришло сорок штук. А еще Одноклассники, Твиттер, Фейсбук. Пока на все отвечала, наступила глубокая ночь. Легла спать, и тут позвонила Инка. В полудреме выслушала очередную историю ее вели- кой любви и уснула, едва успев положить телефон на при- кроватный столик.

Глава вторая

День начался сумбурно. Сначала позвонила с работы мама узнать, как мои дела, а на часах еще и девяти не было. Я ответила ей, не открывая глаз, и тут же снова заснула. Потом позвонил папа с таким же вопросом. Потом Инка сподобилась дорассказать мне то, о чем забыла сказать вчера. Пришлось молча выслушать, хотя хотелось ругаться во весь голос.

В результате в десять часов я в несколько взбудораженном состоянии выползла во двор и тут же была атакована вчерашней четверкой мушкетеров, ожидающих меня перед нашим участком.

Председательствовал, естественно, Вадим, старательно изображающий из себя мудрого Атоса. Он стоял перед калиткой в черной майке и черных обрезанных джинсах. Высокий, стройный, сероглазый, с рельефной мускулатурой. Если смотреть непредвзято, то вполне комильфо. Симпатичный такой. Но все равно мне не нравился.

Позевывая во весь рот, нехотя поплелась к калитке. Открывать не стала – вот еще. С них станется ко мне с обнимашками лезть, типа в знак приветствия, оно мне надо? Я вообще не люблю, когда ко мне прикасаются чужие руки.

– Привет, чего такая заспанная? Небось до утра в интернете сидела? – подозрительно осведомился Вадька, непочти-

тельно разглядывая мою помятую физиономию.

– Почти, – не стану же я говорить, что слушала повесть о великой любви, пятой на день? Утрирую, конечно, но Инка в самом деле уж слишком часто влюбляется. На мой страстный взгляд, можно бы и пореже.

– Ладно. Дело твое. Мы вот для чего пришли, – Вадька поморщился и ткнул кулаком в бок Сергея. – Лучше ты скажи, а то мне в этой тупой аванюре участвовать вовсе не хочется.

– Вот так всегда! – пожаловался Серега, скорчив жалостливую мину и потирая пострадавший бок. – Как что потруднее, так сразу на меня перекладывает.

– Можем отказаться, – тут же деловито взбодрился Вадька. – Мне это дельце с самого начала не нравилось.

– А что тебе конкретно не нравилось с самого начала? – я одним глазком алчно поглядывала на плантацию земляники, манившую красными бочками из-под темно-зеленых листьев. Есть хочу. Вот уйдут сейчас эти обалдуи, я наберу полную корзинку и как наверну со взбитыми сливками...

Домечтать мне не дали. Серега тут же возопил не своим голосом:

– Ленка сегодня под утро домой приползла! До одури обалдевшая! По уши в этой так называемой любви! – и прагматично, будто торговался на рынке из-за ведра картошки, добавил: – Так что в игру тебе нужно вступать немедленно! Лучше всего прямо сегодня!

Я была невыспавшаяся, голодная, и, соответственно, злая. А кто бы на моем месте был добрым? Покажите мне этого альтруиста, я его сфотографирую и фото в рамочке на стенку повешу. С поучительной подписью «такие долго не живут».

Разговаривать мне ни с кем не хотелось, единственной насущной потребностью было даже не поесть, а пожрать, для чего надо было поскорее избавиться от этих шумных оглоедов.

– Что я должна делать? Быстро, конкретно и по существу! – да, я могу быть строгой, когда меня вынуждают.

Парни сразу по-солдатски подтянулись и отрапортовали:
– Делаем так. Сегодня в деревенском клубе танцы. Мы приходим и тихонько садимся в сторонке. А потом появляешься ты. В самом расцвете своей неземной красоты.

– Это как? – я что-то не слишком представляла, как можно появиться в этом самом расцвете.

– В платье, значит, коротком, – уточнил Сашка. Он из мушкетеров больше всех в женской красоте разбирался. Даже блондинку от шатенки отличить умел. – Чтоб ножки хорошо были видны. Они у тебя обалденные. Ни один нормальный парень не устоит. И можешь даже ресницы нарастить. Чтоб уж наверняка.

Это он зря. Если я ресницы наращу, они мне щеку задевать будут и смотреть мешать. Проходили уже. Так что сказала я одно:

– Я в джинсах приду, вот еще, в платье! И краситься не

собираюсь. И вообще это будет рекогносцировка, то бишь ориентирование на местности, кто не знает. А вот потом уж я буду действовать по обстоятельствам. И, честно говоря, не верю я в вашу затею. На танцах наверняка девчонки будут куда красивее меня и при полном параде. Этот ваш Красовский на меня и не взглянет.

Парни посмотрели на меня как-то странно. С непонятым сочувствием. Так на неизлечимо больных смотрят. Или на безнадежных придурков.

– Ладно, встречаемся здесь в семь вечера и едем в деревню, – решил за всех Сашка. – Там и увидим, взглянет он на тебя или нет.

Я повернулась к дому, прощально махнув им рукой. Взяла корзинку, набрала ягод, наверху их с горой взбитых сливок, и на душе враз полегчало. Давно заметила, как улучшает настроение вкусная еда. Не сказать, чтоб я уж очень любила поесть, но вкус к хорошей еде у меня есть.

Я не буду жевать что попало, лучше подожду, когда появится что-нибудь повкуснее. Потому я и не люблю разные там кафешки дешевые и магазинные салатки. Понятно, что туда неликвид разный идет. У домашних блюд, изготовленных из свежих ингредиентов, вкус абсолютно другой.

И вот уже в добром расположении духа собрала ведро все той же земляники, у нас хороший старый сорт «Лорд», вымыла, засыпала сахаром и поставила настаиваться. Завтра сварю. Я помню, как это все делала бабушка. Это вовсе не

трудно, если делать с любовью.

Около семи пошла в свою комнату, открыла плательный шкаф и задумалась. Что надеть на деревенские танцульки? В джинсах, как я сторяча пообещала парням, я испекусь, жара на улице, а танцы наверняка будут на летней танцплощадке, дождя ведь не предвидится.

Ладно, пойду в сарафане, как и велено. Голубой с белыми ромашками, с широкими бретельками, он выглядит вполне прилично, для деревенской танцплощадки сойдет. Правда, не короткий, до середины колена, так что Сашка будет недоволен, но я никого соблазнять не собираюсь. Обойдется без моих колдовских чар этот местный Казанова.

Белые босоножки на низком каблуке тоже вполне уместны. И танцевать в них удобно, и удирать, ежели что. Хотя удирать, я надеюсь, мне не придется. Не зря же там мои охранники присутствовать будут.

Без пятнадцати семь приехали родители и застали меня уже в полном параде: в сарафане, босоножках и с собранными в высокий хвост волосами.

– Ого, смерть окрестным мужикам! – удивленно присвистнул отец. – Куда собралась?

– На танцы в деревню, – по моему кислому тону было понятно, что я не очень-то жажду туда попасть.

– Тебя встретить? – папа всегда очень ответственно подходит к исполнению родительских обязанностей. – Во сколько?

– Мы всей компашкой идем. Так что не надо. В одиннадцать буду дома. Обещали проводить.

– Я в твои годы до утра гуляла, – мечтательно протянула моя сверхромантично настроенная мамулька. – А...

– А твой отец за тобой по кустам с берданкой ползал? – прервал ее радужные воспоминания недовольный отец. – Так у меня берданки нет. Хотя, как я понимаю, пора бы ее и завести.

Мама мелодично рассмеялась.

– Все поняла, исправляюсь, – строгим тоном мне: – В общем, так: от своих парней не отходить, ни с кем чужим не знакомиться, тем паче не гулять, в одиннадцать быть дома как штык! – и уже отцу: – Я все правильно сказала?

Он величественно кивнул головой.

– Да. У тебя порой бывают светлые моменты.

Папа с мамой по-дружески подкалывали друг друга, пока не появились парни на двух байках, «Судзуки» Вадьки и «Хонде» Данила. Они не видели родителей, изображая лихих каскадеров и обгоняя друг друга на задних колесах. Но лишь увидев, что я не одна, тут же скинули скорость и подъехали уже чинно-благородно.

Катили они по двое на каждом байке. Интересно, а меня куда посадить решили? Это из серии «третьим будешь»?

Остановившись у калитки, дружно поздоровались с родителями. Сидевший за спиной Вадьки Серега безропотно пересел третьим к Данилу. Вадька протянул мне шлем – при-

шлось натянуть. Представила, как глупо выгляжу сейчас с этой нахлобучкой на голове, и хихикнула. Ладно, мы с парнями дружим с незапамятных времен, так что они меня еще и не в таком дурацком прикиде видали.

– Ехать осторожно, не гонять! – сердито наказал Вадьке мой строгий папочка.

Мама согласно покивала головой.

– Да когда это я гонял, дядя Антон! – нарочито возмутился Вадим. – Я всегда езжу осторожно.

– Конечно, конечно, – согласился с ним мой мудрый папа. – Недаром это у тебя всего-то третий мотоцикл за третий год. Умеешь ты бережно к вверенному тебе имуществу относиться.

– А это не моя вина, – не остался в долгу Вадька. – Сейчас все такое. Непрочное. Вот холодильник мы дома тоже третий за три года меняем, но я-то на нем не езжу! И даже заглядываю в него редко.

На это папа не нашелся, что ответить, и мы быстро рванули с места. Вадька гоняет только так, но со мной он ездит осторожно, хотя мне всегда хочется почувствовать – каково это, когда ветер бьет в лицо.

Но теперь мы тащились со скоростью резвой улитки. Троица на одном мотоцикле давно нас обогнала и скрылась из виду. Слегка повернувшись ко мне, Вадька прокричал:

– Ты же в джинсах пойти хотела! Передумала? Если б я знал, что ты в платье будешь, то машину бы взял.

Я спокойно ответила:

– В джинсах жарко. В сарафане куда прохладнее.

Хотя на заднем сидении мотоцикла ехать в платье не комильфо, это факт. Пышный подол раздувало ветром, оголяя ноги по самое не хочу. И как я ни пыталась заправить подол поплотнее, ничего не получалось. Вадька косился на мои голые колени, но вождение байка не способствовало проявлению нежных чувств. Впрочем, демонстрировать кому попало мои голые ноги ему тоже не хотелось.

Видимо, именно поэтому мы подъехали на стоянку возле танцплощадки на невероятно низкой скорости. Остановившись подле уже пустого мотоцикла Данилы, Вадька быстро спрыгнул с сидения, повернулся и снял меня. Я даже ногу поднять не успела. Слегка прижал к себе, но, ориентируясь на мои угрожающе сведенные брови, со вздохом поставил на утоптанную землю.

Отдала ему шлем, слегка поправила сбившиеся волосы. Оправила подол и пошла в сторону громко звучащей музыки. Вадим повесил шлем на ручку байка и потопал сзади. Увидев знакомых девчонок, я радостно подошла к ним. Весело поздоровалась и встретила в ответ заносчивые кивки и горделиво задранные носы.

Неприятно, блин! Вот почему, скажите мне на милость, без парней эти девчонки вполне адекватные, отзывчивые и приятные, но стоит появиться на горизонте самому завалиющемуся парню, как они тут же превращаются в свою полную

противоположность?

Конкуренция? Так я ни с кем конкурировать не собираюсь, вот еще.

Посмотрела по сторонам. Солнце светило вовсю, все видны были как на ладони.

Ленку я увидела сразу. Она стояла подле высокого мускулистого парня в черной майке, положив руку на его локоть, и трепетно внимала его небрежным словам. Вид при этом у нее был глуповато-восторженный.

Я поморщилась.

Она всегда вела себя с парнями так, будто уверяла: «я твоя навеки», но тут перещеголяла сама себя, до того у нее был преданный собачий взгляд. Ну хоть хвостом не виляла, и на том спасибо. Вообще-то, в ее поведении резон был: кое-кто из парней на этот обожающий взгляд покупался. Какому слабаку не хотелось казаться умнее и сильнее? Одним словом, хоть чуть-чуть постоять на пьедестале?

Одна из местных девчонок, Маринка, я ее давно знаю, мы у них уже лет десять молоко покупаем, поманила меня к себе и на ухо прошептала, вернее, говорила-то она в полный голос, просто из-за громкой музыки слышно было очень плохо:

– Ты этой дурочке скажи, что Леха с ней только играет. Он со всеми только играет. Он такой... – тут ее голос нехорошо дрогнул, и я поняла, что этот местный ловелас с ней тоже «поиграл», – балабол. Любую уболтает.

Я уже с большим интересом посмотрела на этого Леху.

Уболтает? Это уже интереснее. Потом перевела взгляд на Ленку, с восторгом тарачившуюся на явно пренебрегавшего ею парня и погрузилась. Стоит ли мне ввязываться в эту не слишком чисто плотную игру? Не проще ли повернуться и уйти?

И тут парень вскинул голову и в упор уставился на меня. Взгляд я отвести не успела, и мы несколько мгновений мерялись силами. Наконец, хмыкнув, я перевела взгляд на продолжавшую что-то мне говорить Маринку.

Автоматически кивая головой в знак понимания и одобрения, я подводила итоги. Они были неутешительными. Этот Леха Красовский и впрямь оказался неординарной личностью. Красив, нахален и очень притягателен. Кажется, именно это человеческое свойство называют шармом, оно же харизма.

С такими лучше не связываться. Они самоуверенны до чертиков и слова «нет» не понимают. Придется сказать Сереге, что я пас. Пусть кто-нибудь другой спасает его доверчивую сестренку, а я в этом благотворительном дельце участвовать отказываюсь.

Я повернулась к толпе прыгающего в такт музыке молодняка, выглядывая своих. Можно было, конечно, и пешком до дачи дойти, но где гарантия, что ко мне не привяжется очередной ухажер? А шагать мимо чудных стогов сена, влекущих парней к интиму, как магнит иголку, не позволяет мой здравый смысл. Так что уж лучше выловить кого-нибудь из

четверки мушкетеров и заставить отвезти меня обратно.

Тут на мое плечо опустилась твердая рука, и глубокий красивый баритон вкрадчиво предложил:

– Потанцуем?

Ха! Можно подумать, это вопрос был. Это было распоряжение, уведомление, приказание, и все в одном флаконе. В известность меня поставили, одним словом. Не успела я опомниться, как меня уже кружили посредине танцплощадки под звуки медленного вальса. И вот скажите мне на милость, с каких это пор на деревенской дискотеке танцуют вальсы?

Но нужно отдать должное Красовскому, а это именно он утянул меня на танцплощадку столь нетривиальным образом, танцевал он хорошо. Даже очень.

Предваряя мой вопрос, сообщил добровольно:

– У нас в клубе танцевальный кружок есть. Я туда несколько лет ходил.

Я поняла, что этот банальный вопрос задают все его знакомые девчонки. В ответ только пожала плечами, продолжая высматривать своих парней.

– Ты с кем пришла? – проследил он за моим взглядом.

В этом вопросе сквозила ленивая уверенность «с кем бы ни пришла, а уйдешь со мной». Мне стало скучно. Бывали у меня и такие знакомые. Особенно один, довольно известный киноартист из Москвы. Когда я послала его подальше, очень удивился и даже на человека немного стал похож. А до этого

тоже изображал из себя пресыщенного жизнью бонвивана, наперед знающего все, что будет.

Вот и Красовский смотрел на меня с такой же непоколебимой уверенностью в своей неотразимости. Я пожала плечами. Разговаривать с ним я не собиралась. Зачем? И без того все ясно.

Вальс закончился, заиграли массовый танец, но парень и не думал меня отпускать. Ухватив за руку, вытянул с танцплощадки и увел за какой-то сарай. Он был намного сильнее меня, поэтому сопротивляться было бесполезно. Но я и не противилась. Надо же сказать этому типу все, что я думаю о таких, как он?

Усадив меня на потрепанную жизнью скамейку, перевидавшую за свою жизнь всякое, сел рядом и обнял меня за талию.

– Ну, и как нас зовут? – поинтересовался, потому что принято же как-то к девицам обращаться.

– А какая разница? – я в самом деле не могла понять, для чего ему мое имя. – Ты же из тех, кто всех знакомых девиц зовет «милая», чтоб не промахнуться.

Он вздрогнул и даже немного отшатнулся. Ага, не в бровь, а в глаз!

– Кто тебе это сказал? – подозрительно повел взглядом вокруг, будто надеясь увидеть предателя.

– Никто. Я и сама догадливая, знаешь ли. А теперь пусть, мне здесь не нравится! – я рванулась, намереваясь подняться.

ся.

Как и следовало ожидать, он не пустил.

– Не спеши. Мы же с тобой еще и не поговорили. – Его голос вновь окрасился в томно-соблазняющие модуляции.

– А зачем? Тебе же не разговоры нужны, – рубила я сплеча правду-матку.

– Тоже верно, – послушно согласился Красовский и прижал меня к себе. А потом еще и поцеловал!

А вот это он сделал зря, потому что я возмутилась. А когда я возмущаюсь, я становлюсь опасной, и это хорошо знают все мои знакомые. Пришла пора узнать об этом моем неприятном свойстве и местному донжуану.

Недаром мама у меня хороший врач. Благодаря ей я знаю такие штуки, которые вообще-то нужно знать всем барышням, желающим за себя постоять. Короче, я закинула ему руку за шею, что его весьма и весьма ободрило. Он еще сильнее прижался к моим губам в полной уверенности, что я рада его напористости.

И тут я нажала на одну маленькую такую точку на предплечье. И рука у него враз повисла, онемев.

Отодвинувшись от на безопасное расстояние, мило предупредила:

– Я много интересных приемчиков знаю, вроде этого. Испытывать их на подобных тебе приставалах мне приходилось многократно. Опыт имеется. Так что не советую вообще распускать свои наглые ручонки. Адью! – и гордо удалилась.

Уже стемнело, идти пришлось медленно. У танцплощадки он меня догнал и спросил как ни в чем не бывало:

– И когда эта дрянь пройдет?

Я пожала плечами.

– Понятия не имею. Никогда не дожидалась окончания онемения. Я же не мазохистка. Но не смертельно, не бойся.

– Я и не боюсь, – он пошел рядом. Потом неожиданно рассмеялся и заявил: – А ты ничего. С тобой интересно. Обычно блондинки, они... – тут он замялся, подыскивая приличные слова, и пришлось подсказать:

– Круглые блондинки. Тупые и порочно-сексуальные. Но это только искусственных касается. А я натуральная. Увы.

– Почему увы? – заинтересованно спросил он, разминая неподвижную левую руку правой.

– А потому что ко мне все парни относятся так же, как ты. Типа блондинкам нужно только одно.

– Ну, извини. Больше не буду, – проникновенно пообещал он.

И я бы даже поверила, если бы при вспышке иллюминации не заметила хитроватую улыбку и вспыхнувшие озорством глаза.

Вот как? Будем брать крепость измором, значит? Приятное разнообразие в скучной жизни? Хорошо, я тебе подыграю, враль ты бессовестный! Из меня тоже неплохая актриса получается, когда до белого каления доводят.

– Ладно, чего там, – постаралась, чтоб это прозвучало

примирительно, а не воинственно, как хотелось.

Он повелся, потому что как-то сразу расслабился.

– Когда встретимся снова? – спросил, уверенный в моем согласии. – Давай завтра в лес по грибы сгоняем? У меня байк есть. Я такие места знаю – рыжиков ведрами собирать можно.

Я посмотрела на небо. Погода хмурилась, луны не было, редкие звезды едва-едва пробивались сквозь надвигающиеся тучи. Подыгрывать ему отчего-то враз расхотелось.

– Я не люблю грибы собирать. А ягод у нас на участке полно. И вообще, уж извини, ты мне неинтересен. Я с друзьями поболтать люблю, а с тобой о чем говорить?

Предложение «поговорить» от девчонки бедолага явно услышал впервые в жизни, потому что с недоумением переспросил:

– Поговорить? О чем?

– Вот и я о том же, – с готовностью согласилась я с ним. – Не о чем нам с тобой говорить. Так что пока! – и быстро нырнула в темноту.

Он хотел было кинуться следом, но тут на него набросилась какая-то шустрая девица.

– Вот ты где! А я тебя ищу, ищу...

Усмехнувшись, я прошла к танцплощадке. Решив, что на танцах мне больше делать нечего, я свистнула. Этот условный свист я учила несколько лет, прежде чем он у меня стал более-менее понятен. Именно тогда я поняла, что рот у пар-

ней здорово отличается от моего – у них-то свист никаких затруднений не вызывал.

Из темноты тут же вынырнул взвинченный Вадька.

– Где ты была? Мы тебя потеряли! – прошипел сердито, с силой схватив за руку и уводя подальше от грохочущей музыки.

Ну и ну! Хороши охраннички! Вот и доверяй им после этого!

– Поехали домой! – потребовала я, недовольная всем на свете и более всего собой.

Вадим молча пошел к автостоянке.

– А парни что, с нами не поедут? – я оглянулась на сверкающую в темноте танцплощадку.

– Что они, маленькие, что ли? – отчего-то рассердился Вадька. – Или ты со мной наедине оставаться боишься?

Этого я не боялась, но настроение парня мне не понравилось.

– Чего ты злишься? – я вырвала у него свою руку и оставилась. – Говори прямо и не финти!

Он снова взял меня за руку, но на этот раз мягко.

– Извини. Если честно, то ревную.

Вот так-так! Это что еще за новости?

– Во-первых, у тебя на это никаких прав нет. Во-вторых, ты же сам мне предложил познакомиться с этим местным донжуаном!

Подавая мне шлем, Вадим мрачно уточнил:

– Это не я предложил, а Серега. Я был против. К тому же был уверен, что ты откажешься. А что с парнями не спорил, это чтоб не ехидничали. И так все знают, что я на тебя серьезно запал. Одна ты ничего не замечаешь.

Я вздохнула. Какая разница, замечаю я или нет? Мне это никакого удовольствия не доставляет. Раздражает только. Ну не красное я солнышко, всех не обогрею, так что?

Не дождавшись ответа, Вадька сел на байк, протянул мне шлем и скомандовал:

– Садись скорей!

Застегнула шлем на голове и села позади него, приготовившись к черепашьей скорости. Мне порой казалось, что пешком идти куда быстрее.

Внезапно где-то в темноте раздалось:

– Стойте, вы куда? – баритон был знакомый.

Я повернула голову на звук и чуть не упала от резкого рывка «Судзуки».

– Держись крепче! – рявкнул Вадим и ударил по газам.

Я ухватилась за него, невольно прижавшись что было сил. Он низко пригнулся к рулю, и мы помчались!

Но вопль Красовского все равно догнал:

– Мы еще увидимся!

Байк ревел на запредельной скорости, ветер бил в лицо, мы неслись сквозь ночь, но мне ничуть не было страшно. Наоборот, в груди играл азарт, хотелось петь во все горло. Но я сдержалась. Минут через пять в голове возник вопрос:

и с чего это мы так гоним?

Осторожно оглянувшись, заметила неуклонно догоняющее нас световое пятно явно от фары мотоцикла, и только тогда дошло: да это ж мы от погони уходим!

Вот уж в чем мне никогда не приходилось участвовать, так это в погонях, причем в роли уходящей от этой самой погони. Кто за нами шпарил, было понятно – похоже, Красовский никогда не сдается. Но как он умудряется вести мотоцикл одной рукой?

Во мне сразу разыгрался профессиональный интерес. Захотелось остановиться и осмотреть его руку. Неужели она так быстро отошла? Прецедентов я не знала. Мне несколько раз приходилось использовать этот не слишком гуманный приемчик, но восстановление всегда шло больше часа.

Неужто он такой выносливый? Или ведет байк одной рукой? Надо бы встретиться с ним снова и это выяснить.

Вадим подвел мотоцикл к общим воротам кооператива и скомандовал:

– Прыгай и прячься!

Я на автомате спрыгнула с сидения и спряталась за стволом старой раскидистой липы. Вадька тут же умчался дальше, и мимо меня на запредельной скорости тотчас пронесся байк Красовского. Однако вот это скорость! Сомнений в том, что через пару минут они встретятся, не было никаких.

Набрав код, я вошла в калитку товарищества и по грунтовой дороге потопала на свою дачу. Вокруг было темно и

тихо. Все уже спали, завтра рабочий день. Интересно, сколько времени? Телефон я не взяла, боясь потерять, его просто некуда было положить.

На пороге сидел ожидающий меня отец. При виде меня встал, посмотрел на часы и удовлетворенно сказал:

– Вот это чутье! Одиннадцать ноль-ноль. Молодец. Пошли в дом.

Мы зашли в прихожку. Загорелся свет, папа окинул меня внимательным взглядом и спросил:

– Все в порядке?

Я кивнула, изрядно удивившись.

– А почему ты тогда в шлеме? Некогда было Вадиму его отдать?

Обалдеть! Я забыла шлем снять! Меня так впечатлила быстрая езда? Хотя когда мне было его отдавать?

Стянула с себя шлем и небрежно махнула рукой:

– Ерунда! Завтра отдам!

Папа покачал головой:

– Придется перекинуться парой слов с Вадимом. Что-то мне это не нравится.

Вот ведь никчемушная пронизательность! Постаралась ответить как можно небрежнее, чтоб папа понял бесплодность своих подозрений:

– Он спешил к парням. Он меня отвез, а они остались.

– На танцах в клубе?

– Ну да. А что? – слегка удивилась я. Это же и так понятно,

к чему спрашивать?

Папа немного помолчал, обдумывая мои слова, потом выдал многообещающее:

– Судя по всему, намечается грандиозная драка.

Что ж, ему виднее. В молодые годы он не раз был замечен в драках между аборигенами и садоводами. Это ерунда, дело молодецкое. Как говорила бабушка, иногда и размяться не грех. Главное, до членовредительства дело не доводить.

– Как тебе на танцах, понравилось?

И с чего это сегодня папа проявляет праздное любопытство? В обычное время он этим не страдал.

– Нормально. Если б еще музыка так не орала, вообще бы классно было. Представляешь, там даже вальс танцуют!

А вот зря я это сказала. Папочка враз насторожился.

– Вальс? Что-то о таком чуде я никогда не слыхивал. И кто с тобой его танцевал?

Я небрежно передернула плечами.

– Не знаю. Какой-то местный парень.

– И что, он даже не попытался познакомиться? – не поверил своим ушам папа.

– Он-то пытался. А вот я – нет, – призналась я. А чего скрывать? Не в первый же раз.

Папа удивлен не был.

– И что, ему можно посочувствовать?

– С чего это вдруг? – не поняла я его. – Он жив и даже здоров. – Врожденная тяга к справедливости потребовала уточ-

нить: – Частично.

– Частично – это как? Руки отнялись или ноги? – да уж, в дотошности папочке не откажешь.

Да, ноги обездвиживать я тоже умею. Пришлось признать-ся:

– Всего только одна рука. Левая.

– Не очень-то и нужная, так? – папа уже откровенно прикалывался.

– Не придирайся, папа! Все равно скоро пройдет. Так что ничего страшного. И вообще, он сам виноват.

Отец рассмеялся.

– Ладно, ты права. Спать сразу пойдешь или перекусишь чего-нибудь?

– А что есть поесть?

Он призадумался.

– Не знаю. Но что-то в доме ведь все равно найдется. Нужно просто посмотреть.

Вот что значит всю сознательную жизнь прожить с домработницей! Ни он, ни мама в продуктовых магазинах по своей воле не бывали. Если только с закупочным списком от бабушки. Я выбрала менее затратный вариант:

– Лучше спать пойду. Устала что-то. Пока!

Ушла к себе, включила комп и снова принялась за разбор почты.

Опять сообщений немерено! Просто наказание какое-то! Это у всех так или только у меня популярность угнетающе

высокая? Или я к ней как-то неправильно отношусь? Утомляет меня она слишком.

Полюбовалась на новые селфи, выложенные подругами, удивилась, как это может им нравиться. Лично я на себя лишний раз смотреть не люблю и другим свои фото показывать не желаю.

Бабушка говорила, что люди все разные: есть хорошие, а есть дурные. Они, позавидовав, могут сглазить. Я тоже так считаю. Мысль – она материальна, это давно доказано. А вот свойства мысли неизвестны. Так что все может быть. Позавидует кто-нибудь красоте моей писаной (шучу, конечно, мне до сказочных королевен как до луны) или популярности неизбывной, пожелает гадость, а она возьми да исполнись! Нет, этого мне не надо. Уж лучше пусть меня в инете будет поменьше, мне же спокойнее.

В общем, спать удалось лечь стандартно, в два часа ночи. Уже засыпая, услышала незнакомую мелодию, настойчиво наигрываемую телефоном, но отвечать не стала. Вот еще! Они что, время определять не умеют? Или с противоположного конца планеты звонят, где сейчас день в разгаре?

Встала в десять. Вот знаю, что поздно, а что делать? Если б я могла ложиться вовремя, то и вставала бы рано, а так... Спать-то ведь тоже надо. Я и так сплю восемь часов, ровно столько, сколько нужно.

Чтоб взбодриться, приняла прохладный душ, привела себя в порядок. В огород вышла в одном купальнике. Лето, а я

бледная, как поганка. Непорядок, надо загорать. Наберу подножного корма, поем и сгоняю в деревню за молоком.

Потом надо будет приготовить сметану, вернее, просто молоко просепарировать, это и сливки и сметана, два в одном флаконе, так сказать. Ну и хотя бы пару грядок прополоть. Дел выше крыши, как обычно.

А считается, что на даче отдых. Хотя так оно и есть, если верить, что отдых – просто смена деятельности. Поучился или там поработал – в огороде покопал. Мозги расслабились, мускулы окрепли. Это и называется «здоровый образ жизни».

Едва вышла за порог, как мне навстречу со ступенек поднялся Красовский собственной персоной. Причем находился он не с той стороны калитки, как положено, а с этой. А точнее сидел на нашем крылечке, сиротливо так. На нем была все та же черная майка, но на длинных мускулистых ногах красовались неровно обрезанные темно-серые шорты.

Я оторопела и даже не знала, что сказать. Он ухмыльнулся и с некоторой издевкой поклонился:

– Добрый день, спящая красавица! Я тебя тут уже больше часа жду.

Впав в какой-то ступор, я смогла только невнятно прошепелеть:

– Зачем?

– Пообщаться. Ты же мечтала со мной поговорить? – это прозвучало вовсе уж насмешливо. – Ты не против, надеюсь?

– Надеешься зря! – опомнившись, сурово отрезала я. – Мне не до случайных знакомых! И вообще, как ты меня нашел?

Он хмыкнул, разглядывая меня. Моя неодетость меня изрядно смутила, но вида я не показывала. Вот еще! Я его не ждала и красоту наводить не обязана. Хотя от его слишком уж пристального взгляда и хотелось прикрыться простышкой.

– Нашел очень просто. Ты же личность приметная. Спросил у Маринки, я ведь видел, как вы с ней болтали. Она и сказала, кто ты и откуда.

Вот уж от Маринки такой подставы не ожидала, не такой она человек! Посмотрела на его красивое ухмыляющееся лицо и догадалась:

– Шантаж, да?

Он ничуть не смутился. Более того, горделиво вздернул подбородок, будто совершил что-то на редкость нужное и дельное.

– Есть немного. Ну и что? Своего нужно уметь добиваться, – и при этом посмотрел на меня так, как смотрят на уже купленную вещичку.

Почему-то мне стало ужасно обидно. И с чего бы это? По идее, мне нужно было бы проникнуться собственной значимостью и милостиво откликнуться на его предложение, но вот только не хотела я быть вещью, которую «добиваются».

– Здесь ты ничего не добьешься. Вали отсель быстро! –

рвякнула, не скрывая своего возмущения.

– Ай-яй-яй! – укоризненно заметил он. – И не стыдно? Какие выражения употребляешь некрасивые!

– Зато общедоступные! Как раз для таких олухов, как ты! Ты в курсе, что это такое – частная собственность?

Он с нарочитой задумчивостью почесал в затылке.

– Ты намекаешь, что мне здесь находиться нельзя?

– Я не намекаю, я тебе это прямо говорю! Как ты сюда проник, интересно?

Вопрос был актуальным – высота забора была более двух метров, калитка захлопывалась изнутри.

– Это моя тайна! – гордо оповестил он меня и широко улыбнулся.

– Ты взломщик-любитель? – подозрительно поинтересовалась я. – Или занимаешься этим профессионально?

Отпираться он не стал:

– А вот это в соответствии с обстоятельствами.

Я не поняла.

– С какими-такими обстоятельствами?

– Разными, – и нарочито плотоядным взглядом обвел мою фигуру.

Посмотрев на свой пляжный наряд, я сочла его недостаточно пристойным для встречи на столь высоком дипломатическом уровне. Молча повернулась и зашла в дом, негостеприимно хлопнув дверь перед носом непрошеного визитера. Потом быстро надела шорты и свободную рубашку.

Снова вышла из дома, надеясь, что этот нахальный тип проникся недопустимостью своего поведения и смотался.

Ошиблась.

Тип привольно сидел на том же месте и меланхолично жевал травинку. Увидев меня, печально констатировал:

– А раньше было лучше, – и с похабненькой улыбкой посмотрел на мои голые ноги. – Но, впрочем, и сейчас неплохо.

Захотелось завернуться в паранджу и лицо чадрой завесить. А что? Они для того и придуманы, чтоб у всех мусульманок равные возможности были. И чтоб мужики их вот такими скабрёзными взглядами не окидывали.

– Тебе что, делать нечего? Все крестьяне работают, хлеб добывают, а ты дурью маешься? – патетично возвала я к его совести.

Зря. Похоже, подобного чувства у него отродясь не бывало.

– Да, работают. А что, тебе тоже хочется?

И почему это мне показалось, что сказанное им с подозрительным вывертом вполне приличное слово «хочется» к нормальной работе никакого отношения не имеет?

Нет, в подобном словоблудстве я не сильна. Как бы мне поскорее избавиться от этого охламона, считающего себя неотразимым? Некомфортно мне с ним что-то. Инка бы употребила другое, более выразительное словцо – «стрёмно».

Прерывая наш тет-а-тет, оглушительно загрохотал байк, и к нам подкатил Вадька на своей «Судзуки». Но как к нам?

Мы-то были с этой стороны ограды, а он с той.

Увидев меня с Красовским, потемнел и сжал кулаки.

– Неплохая машинка, – снисходительно похвалил «Судзюки» Леха. – Но мой «ИЖик» лучше.

Я поразилась. Как может тихходный старый мотоцикл еще советского производства быть лучше импортного спортивного байка? Посмотрела на хитрую морду Красовского и догадалась, что от «ИЖа» осталась только видимость.

– Правильно мыслишь, – улыбнулся мне Красовский. – У нас все драндулеты подшаманенные. С виду старые, никто и не подумает, что сходу до двухсот разгоняются. Я вас вчера не догнал нарочно, боялся, что в аварию попадете, от меня уходя. Да и к чему было спешить? Я все равно все о тебе узнал.

– Замечательно! – добродушно одобрила я его действия и без перерыва рявкнула: – А теперь брысь с моей территории!

Он удивился, будто не понимая, как может такое субтильное существо, как я, издавать такие громкие мерзкие звуки.

– И что ты сделаешь? – прозвучало на редкость заинтересованно. – Полицию вызовешь? Или этого типа на помощь кликать будешь? – он пренебрежительным взглядом окинул нахохлившегося Вадима. – Я сразу предупреждаю – этого дохляка я одной рукой заламаю. Уже пробовал.

Я одобрительно покивала и с лучезарной улыбкой пообещала:

– И я тебя тоже. Одной. И даже не рукой, а пальчиком. Как

твоя пострадавшая от меня ручка, кстати, отошла? Сколько времени понадобилось?

Смотрела я на него с откровенным научным интересом, так, наверное, лаборант смотрит на подопытную мышь, гадая, когда она подохнет, сейчас или немного опосля.

Ему мой заинтересованный взгляд не понравился.

– Эй, ты что, еще раз попробовать хочешь? – недоверчиво спросил он, явно не понимая, как это я не западаю на его неотразимую для девиц физиономию.

С широким зловещим оскалом, рьяно имитирующим дружескую улыбку, я вежливо поинтересовалась:

– Ты вчера так быстро оправился, нужно опыт повторить, очень интересно. Я время засеку, вчера не заметила, жаль. Ты же не будешь против?

Он был против. Причем категорически.

– Знаешь, мне мои руки еще пригодятся.

И тут на «Ямахе» подкатили Данил с Серегой. Тоже, как и я, изобразили столь же милые улыбочки и предложили:

– Может, выйдешь к нам, гроза девичьих сердец?

Красовский укоризненно поцокал языком.

– Ну вот, слышала, кто я? – горделиво так спросил. – А ты мне всю репутацию портишь. Нехорошо. Стыдно должно быть, стыдно, девушка. Ай-яй-яй, одним словом, – таким тоном, наверное, его учительница в школе за плохое поведение ругала.

Я рассмеялась. Настроение стало легким. Нет, у него чув-

ство юмора присутствует, несомненно, а я людей с юмором уважаю.

Посмотрела на него уже с доброй открытой улыбкой, и он вдруг замер, как-то странно глядя на меня. Потом сглотнул и тряхнул головой, будто избавляясь от глюка. И что это с ним? Но это его проблемы: что с ним, меня не особо волновало.

Подхватив стоявший возле крыльца уже приготовленный мной для молока семилитровый бидон и шлем, оставленный вчера Вадимом, я решила воспользоваться okazji:

– Вадим, не подкинешь меня до Ясиной?

Он кивнул и с намеком посмотрел на незваного гостя.

– Извини, но у меня дела, – достаточно воспитанно намекнула я Красовскому, что пора бы и честь знать.

Но он отчаянно замотал головой и с мольбой протянул ко мне подрагивающие якобы от страха руки.

– Как ты не понимаешь, что стоит мне выйти с охраняемой тобой частной территории, как меня тут же до полусмерти избьет эта безжалостная троица!

Он кривлялся, это точно. Я посмотрела на мрачных парней и поняла – они это сделать уже пытались. Но ничего не получилось. Интересно, он что, карате занимается или самбо? Или что там еще есть из спортивных единоборств?

– Ну-ну, – насмешливо утешила, – не плачь, бедолага. Я здесь, и я тебя от злобных злодеев защищу, – показательно расправила плечи, выпятила грудь, демонстрируя силу и отвагу, и добавила уже тихо, только для него: – Но учти – если

ты и впредь будешь распускать руки, я уделаю тебя так, что папа с мамой не узнают.

– Папа с мамой? – он скривил губы в какой-то странной ухмылке. – Папу не знаю, маму не вижу. Вот дед с бабкой могут не узнать. Но им не привыкать.

Если это было рассчитано на жалость, то он промахнулся. Я и не такие байки в жизни слышала. Может, и не байки, но такие же жалостливые.

– Выходи! – открыла калитку и сделала приглашающий взмах рукой. – И поживее.

Он нехотя вышел. Парни следили за ним неприязненными взглядами, но с места не двигались. Я натянула шлем, привычно устроилась позади Вадьки. Повесила бидон на руку, приспособила так, чтоб не бил по бедру, и похлопала по плечу, давая команду «старт».

Взревели моторы, и мощные байки рванули вперед. На этот раз Вадим ехал быстро. Что это с ним? Данила не отставал, рыча мотором метров на пять позади.

Я поняла, почему мы едем на весьма приличной скорости, когда нас догнал старенький с виду мотоцикл. Объехав нас по стерне, Красовский поднялся на заднее колесо, привстал в седле и так помчался впереди нас.

Потом опустил, развернулся и принялся нарезать круги вокруг, поднимаясь то на заднее колесо, то на переднее. «ИЖ» высоко подскакивал на неровной стерне, то и дело грозя завалиться на бок, и удерживался лишь каким-то чу-

дом.

Разозленный Вадька крикнул мне:

– Вот циркач! Это он перед тобой выхваляется.

Это я понимала и без подсказок. И как он только свою буйную головушку не свернул, я же наверняка далеко не первая, перед кем он так выпендривается. Большой опыт?

Глава третья

До Ясиной мы добрались, вернее, домчались, не в пример быстрее прежнего. Вадька не сдерживал мощь своего байка, откровенно бесясь от выкрутасов Красовского, а тот смеялся во все горло, то пересекая рядом с нами, то уходя далеко вперед.

Когда перед домом тети Кати, мамы Маринки, враз остановились три байка, Маринка уже стояла у ворот, привлеченная ревом моторов.

Слезая с мотоцикла, я заметила, как Лешка насмешливо подмигнул Маринке. В ответ та зарделась злой удушливой волной.

Интересно, чем же он ее шантажировал? Ни за что не поверю, чтоб Маринка была замешана в каком-то криминале. Уж скорее здесь что-то сугубо личное.

Не снимая, откинула шлем на затылок и чинно поздоровалась. Маринка не менее чопорно вымолвила:

– Здравсьти! – и мы с ней вошли в широкий двор, отгороженный от улицы высоким глухим забором из крашенных в зеленый цвет досок.

Оставив моих сопровождающих за крепкими воротами, она пошла вперед, показывая дорогу, будто я не бывала здесь последние десять лет почти каждый день.

Зашли в чистую маленькую комнатку перед стайкой. Ма-

ринка налила мне из подойника полный бидон густого парного молока, аккуратно обвязала горлышко полиэтиленом, чтоб молоко не пролилось по дороге.

Взяла деньги и снова хмуро предупредила:

– Машка, ты этому прохиндею не верь. Он только смеяться может, ничего для него святого нет. Он как из армии вернулся, так никакого удержу не знает. Всех девок в деревне перещупал.

Я посмотрела на нее. В ее глазах горела горькая обида. Наклонившись к ней, я тихо спросила:

– Марина, а чем таким он тебе пригрозил, что ты ему обо мне все рассказала?

Она опустила глаза, покраснела и выдохнула:

– Что родителям расскажет, что я с Ванькой Кадейкиным, ну, это... – и она угнетенно замолчала.

– А Ваня тебе нравится?

– Нравился, – уныло подтвердила она. – В прошедшем времени. Пока мне Лешка все мозги не замутил. Тогда Ванька мне и сказал, что ему такие поскакушки, как я, даром не нужны. А у нас с Лешкой и не было ничего! Он так, дурил только.

Понятно. То есть тут двойная обида – то, что Красовский и прежние отношения разрушил и что сам не попользовался. Ну и дела, однако...

Тихо подсказала:

– Вообще-то любой шантаж можно прекратить. Ты маме

тихонько пожалуйся, что замуж за Ивана Кадейкина соби-
ралась, а Красовский ему о тебе черт-те что наговорил, и те-
перь обманутый Ванька нос воротит. Хуже-то все равно не
будет. Мне кажется, взрослые не дураки, быстро в этой зава-
рушке разберутся.

Маринка с надеждой посмотрела на меня.

– Ты думаешь?

Я кивнула и с нажимом повторила:

– Хуже все равно не будет. Но, по крайней мере, Красов-
ский на тебя больше никакого давления оказывать не смо-
жет.

Она призадумалась, а я подхватила тяжеленный бидон и
пошла к воротам. Она догнала меня на полдороге и глухо
пообещала:

– Попробую. Хоть и страшно. Если мамке чего не по-
нравится, она и бате пожаловаться может. И тогда... – она
вздрыгнула и замолкла.

Я сочувственно вздохнула. Дядя Петя был на расправу
скор. Вроде и мужик умный, но шепутной до невозможности.
Чуть что не по нем, тут же за ремень и пошел воспиты-
вать! Хорошо, что у них пятеро детей, так что каждому до-
ставалось не так часто. Но наказания избежать не удавалось
никому.

Он действовал по принципу «небольшая трепка сегодня
спасет от большой беды завтра». Не знаю, насколько это
оправдывалось, но дети у них хорошие, и даже трое взрос-

лых уже парней ни в чем недостойном замечены никогда не были.

Открыв ворота, я вышла на улицу. Три байка так и стояли перед усадьбой в ожидании меня. Парни молча смотрели на Красовского, он радостно скалился в предвкушении очередной потехи.

Не обращая внимания на его «ух ты, красавица какая! И бывают же такие!» снова села за спину Вадьки, громоздкий бидон поставила между его спиной и собой, зажав коленями. Было неудобно, но тащить такую тяжесть на себе несколько километров в жару еще хуже.

Обняла парня, ощущая животом жесткий бидон, поправила шлем и отдала привычную команду:

– Поехали! Но только давай без выкрутасов. Не дрова, чай везешь, а молоко! Оно от тряски расслоиться может.

Он коротко хохотнул и нажал на газ. На этот раз мы снова поползли, как черепахи. Я молчала. А что мне было говорить? Сама ведь попросила.

Парни быстро ушли вперед, а Красовский в полном недоумении выделывал вокруг нас вензеля. Вадька, коварно усмехаясь, тащился со все той же скоростью бешеной черепахи. Но все когда-нибудь кончается, и мы приползли к калитке нашего участка.

Не успели мы остановиться, как Красовский, уже ожидавший нас, подхватил мой бидон и, открыв калитку, вошел на дачу.

Я недоуменно несколько раз моргнула. Это как? Калитка на запоре. Я его с трудом открываю, потому что ключ неудобный, тяжело проворачивается, а этот что сделал? Как он замок открыл?

Он обернулся ко мне и крайне заботливым тоном спросил.

– Ты что не встаешь? Попу отбила от бешеной езды? Массаж сделать?

Насупившись, я спрыгнула с сидения, отдала шлем Вадьке и вежливо поблагодарила его за помощь, уверенная, что он уедет. Но тот поставил байк на упор, повесил и свой и мой шлем на ручку и тоже зашел в калитку.

Сегодня что? День открытых дверей? Сей факт мне не понравился, и я категорически потребовала ухода всех участников дурацкого турнира под названием «это моя девочка».

Парни остались стоять, сверля друг друга угрожающими взглядами, будто меня и не слышали. Я впервые в жизни пожалела, что у нас нет собаки. Какого-нибудь свирепого волкодава типа кавказкой овчарки. Или нет, не надо. Это порода злобная, непредсказуемая и тупая, еще порвут ненароком. Их даже самим хозяевам приходится опасаться.

Тогда кого? Мне бобтейлы очень нравятся. Красивые такие, белые, пушистые. Как большие кошки, так и хочется их потискать. Но постоять за себя и за хозяина могут. Вот его и заведу, если эти ухажеры еще меня доставать будут.

Решительно отобрала у Красовского бидон, поставила его на крылечко, потом повернулась ко всё так же мрачно гля-

дядищим друг на друга парням и строго скомандовала:

– Итак, господа нехорошие, прошу вас покинуть чужую территорию! Можете выяснять отношения сколько ваша душенька пожелает, но не здесь! Мне потом за вами кровь убирать не хочется, уж извините!

Красовский повернулся ко мне и с тупо-наивным видом пожаловался:

– Он ведь меня убьет! Смотри, как прожигает меня взглядом! Я боюсь оставаться с ним наедине!

Но я его разочаровала:

– Не бойсь, он нормальной сексуальной ориентации и на парней не кидается! Если только чтоб в морду дать, но это ты и сам умеешь.

С этими словами я шустренько открыла дверь в дом и влетела в нее, подхватив бидон. Красовский рванул было за мной, но Вадька схватил его за рукав и ворваться в мою крепость не дал.

Захлопнула дверь, для верности задвинула еще и засов. В окошко, чтобы посмотреть, что там происходит, выглядывать не стала. Времени нет любоваться тупыми поклонниками. Пусть между собой сами разбираются, а у меня дел немерено.

Достала небольшой сепаратор, вылила в него молоко. Не все, литр оставила. Потом полученные сливки поделила напополам – одну оставила как есть, в чай добавлять, очень вкусно. А когда загустеют, и за сметану сойдут. Вторую часть

вылила в маслобойку, масла будет немного, но мы много и не едим. Добавила чуток соли: и мне, и маме подсолненное масло нравится, а папе все равно.

На все про все ушло полчаса. Убрала все продукты в холодильник и поняла, что дико хочу есть. Но все овощи в огороде, нужно идти туда.

Осторожно выглянула в окно. Байков нет. Парни уехали? Открыла дверь, подошла к калитке, посмотрела на запор. Заперто. Интересно, как все-таки этот тип сюда проникает? Вот ведь взломщик высшей категории!

Взяла корзинку, пошла в теплицу. Нарвала помидоров, огурцов, сладкого перца. Вернулась в дом, сделала салат, умяла его с черным хлебом, и жизнь сразу стала краше.

Надо еще малину собрать, но что-то выходить не хочется, просто жуть. И с чего бы это? Я никогда ленивой не была. Нет, идти надо, малина созрела, скоро осыпаться начнет.

Взяла корзинку, полукруглую, чтоб удобно было на шею повесить, подошла к дверям и принялась глупо возле них топтаться. Вот просто ноги не идут, и все. Опять там этот Красовский меня поджидает, что ли? С чего бы такой мандраж?

Решительно вернулась на кухню, взяла в руки электрошокер. Он давно был куплен, на всякий случай, и валялся без дела невесть сколько лет. Посмотрела на уровень зарядки. Нормально, хватит на три разряда, но, надеюсь, для вразумления особо непонятливых достаточно и одного.

Положила его в карман и уже спокойно вышла из дому. Внимательно осмотрелась. Пусто. Только на соседнем участке кто-то викторию собирает. Это у меня что, паранойя? Глубоко вздохнув, почувствовала разочарование. И снова поразились. Это с чего вдруг? Жалею, что шокер испытать не удастся? Вроде бы раньше я кровожадностью не страдала.

Прошла в малинник, принялась собирать ягоды. Малина у нас не колючая, во всяком случае, этот сорт. Вот ранняя – та да, ту я без перчаток не собираю, но она отошла уже. Эта мне нравится больше, она и крупнее и слаще. И червей на ней почти нет.

Сначала собирала вдоль малинника, планируя потом нырнуть в глубину. Он не очень удобный, широкий и длинный, где-то три на десять метров. Вот у соседей малинники узкой полосой, это гораздо удобнее. Собирай себе с краю – и все дела.

Не успела собрать и половины, как мои руки прижали к бокам чьи-то сильные ладони и знакомый нагловатый голос проговорил:

– Привет, красотка! Вот теперь мы поговорим спокойно, на равных, без членовредительства.

Вот блин! А шокер в кармане. И как теперь его достать?

– Ты не боишься, Красовский? Мне твое вторжение на мою территорию не нравится. Я сейчас вопить начну. Все соседи сбегутся.

Он наклонился к моему уху и нежным таким, сладеньким

голоском нахально пообещал:

– А я тебе рот зажму.

Рот зажму? А это выход! При этом ему придется одну мою руку отпустить. И я смогу дотянуться до шокера.

Я открыла рот и сделала вид, что сейчас заору. Как я и рассчитывала, он оторвал правую руку от моей ладони, но умудрился перехватить ее другой рукой, зажав обе мои. Я попыталась выдрать руки, но парень оказался слишком силен. Меня накрыло неприятное чувство незащитности.

С зажатыми ртом и руками стоять было неудобно. А Красовский ласково шептал мне на ухо:

– Ты такая милая девчонка, я от тебя просто тащусь. Если хочешь, ты у меня единственная будешь. Ей-богу, не вру! Я таких, как ты, еще не встречал.

Нет, он точно псих! Единственная! Злости у меня прибавилось, я дернулась изо всех сил, вытащила-таки правую руку, скользкую от раздавленных ягод, сунула ее в карман. Пока он пытался поймать упущенную руку, выхватила шокер и с чувством восстановления справедливости ткнула ему в живот. И тут же рванулась, чтоб разряд не догнал и меня.

И вовремя. От изумления он отшатнулся, скореежился и застыл, пережидая боль. Я быстро сняла с шеи корзинку, стараясь не рассыпать собранные ягоды, и злорадно посмотрела на ухажера.

Ему и в самом деле было больно. Он сжал побелевшие губы, склонил голову и стоял так, не в силах выговорить ни

слова.

Но я-то говорить могла, чем и воспользовалась:

– Гад ты, Красовский, просто гад! И не думай, что я о твоём вояже к нам родителям не расскажу. Я не просто расскажу, я еще и нажалуюсь. Отец непременно с тобой разъяснительную беседу проведет. Хотя тебе не привыкать, с тобой наверняка участковые часто беседуют на тему «что такое хорошо и что такое плохо».

Он немного отошел и помотал головой.

– Что, не беседуют? – мне в это не верилось. – Ни за что не поверю, чтоб на тебя никто не жаловался. Ты же просто козел!

Он с трудом поднял голову и как-то шепеляво выговорил:

– Никто на меня не жаловался. Парням невместно, а девочкам нравится. Ты первая... – и он замолчал, пристально глядя на меня.

Я поразилась.

– Нравится? Что нравится? Как их нагло лапают?

– И это тоже, – он поднял голову и уже более-менее спокойно спросил: – А тебе что, не нравится? – в его тоне сквозило явное недоверие.

Я даже не сразу нашлась, что ответить на этот бред.

– Знаешь, я просто обожаю, когда ко мне вламываются без спроса. И лапают почему зря.

– Да я тебя еще даже ни разу толком не поцеловал! – Красовский не понял, с чего это я так возмущаюсь.

– И не надо! Терпеть не могу это слюнявое дело!

Вот тут он впал в ступор. Распрямился во весь рост, видимо, шокер не слишком сильный у меня, и подозрительно сказал, с каким-то прищуром на меня глядя:

– Все девчонки любят целоваться.

– Я – не все. И целоваться не люблю! Гадость какая!

Он потер затылок. На пальце тускло блеснуло серебряное кольцо. Вот еще пижон!

– А кольцо тебе зачем?

Он тупо посмотрел на палец. Я думала, он сейчас скажет что-то типа «красиво же», а он с удивленной ухмылкой пояснил:

– Так бутылки с пивом открывать. Не зубами же. А ты что, не знала? Странно. Это все нормальные люди знают.

Д-а-а-а, мы с ним точно из разных слоев общества. Прокладно пояснила:

– Мои друзья и знакомые бутылки с пивом ни зубами, ни кольцами не открывают, они знают, что для этого открывашки есть. А сейчас марш с моего участка! Не то второй заряд пойдет! – и я угрожающе наставила на него шокер.

Он вмиг протестующее вскинул руки.

– Не надо меня электричеством долбать, вот еще! Я и сам уйду.

Он покорно почапал к калитке, я на некотором расстоянии за ним, держа наготове шокер. С этим нахальным типом лучше быть настороже.

Вышел за калитку, захлопнул ее за собой и повернулся ко мне.

– А ты мне в самом деле понравилась, – признался с кривоватой усмешкой. – Очень. И зря ты так. Знаешь, как нам было бы вместе здорово?

Я вскинула глаза к небу. И сколько раз я уже слышала подобную чушь?

– Пой, соловушка, пой! – мило позволила Красовскому. – Только не мне! Терпеть не могу, когда парни заливают всякую чушь.

Он подавился, а я на всякий случай закрыла калитку еще и на засов, хотя прежде никогда этого не делала, повернулась и, говоря на ходу:

– Надеюсь, ты понял, что здесь тебе ничего не обломится? Так что можешь времени зря не терять, – пошла обратно к малиннику.

– А это мое время, хочу теряю, хочу нет, – мрачно ответил парень и нахально разлегся на травке у калитки в позе отдыхающего медведя.

Я пожала плечами. Да пусть валяется где хочет, мне-то что. Главное, чтобы меня не доставал. На душе стало мирно и спокойно, я подняла оставленную у малинника корзинку и принялась собирать ягоды дальше.

Пока обобрала малинник, пока приготовила ужин, посмотрела на часы – уже шесть вечера! Как быстро время проходит, когда есть чем заняться. А уж единоборство с Красов-

ским внесло в мое дачное бытие изрядный заряд бодрости. Специфической, правда, ну да я ему это прощаю.

Скоро приехали родители на нашем «Вольво». За рулем, как обычно, сидел отец, хотя мама тоже неплохо водит машину. Да и я умею, хотя прав у меня нет. Вот исполнится в сентябре восемнадцать, сразу на курсы пойду.

Мама пошла в дом, неся полные пакеты продуктов, я кинулась ей помогать. Папа поставил машину под навес и тоже в дом зашел.

Мне сразу не понравилось выражение их лиц. Холодное такое и неприязненное. Поссорились, что ли? Из-за чего? Они редко ссорятся и ненадолго, но все равно напрягает. Неприятно как-то.

Мама с фальшивой улыбкой унесла свою часть пакетов на кухню, я отправилась туда же. Мы принялись разбирать покупки, отправляя что-то в холодильник, что-то в морозилку, что-то в подвесной шкафчик. И все это молча.

Я не выдержала первая:

– Мама, что случилось?

Она тихо вздохнула и призналась:

– Немножко с отцом поцапались. Ничего серьезного. Не бери в голову.

Пожав плечами, я стала накрывать на стол, а мама ушла переодеваться. Вернулась уже в голубеньком с васильками домашнем брючном костюме, она в нем казалась какой-то уж очень хрупкой и беззащитной. Потом на кухню вошел папа

в шортах и черной майке, сумрачный такой и недовольный.

Быстро перекусили, и я, подхватив ридер, ушла под яблони на свои любимые качели чуток почитать. К вечеру похолодало, видимо, к дождю, и на пляж идти не стоило.

Я читала уже последнюю главу, когда из родительской комнаты донесся спор на повышенных тонах. Ссора была уже в разгаре. Видимо, до этого времени они еще сдерживались, потому что голосов не было слышно, а сейчас в запале забыли о том, что при открытом окне возле дома все слышно.

– Ты ему не просто улыбалась, ты зазывно хихикала! – папа был очень, очень зол.

– Он просто мой коллега, только и всего. И я никогда не хихикаю, да будет тебе известно! – прозвучал ледяной мамин ответ.

Ух ты! А я и не предполагала, что она может таким тоном говорить. Неужели и теперь папуля не остановится? Не остановился:

– Правильно Васька говорит, что ты неисправимая кокетка! Такая же, как его бывшая!

Я дядю Васю знаю давно. Это папин друг еще со школы. Они с тетей Тоней недавно развелись, и, по словам мамы, у него сейчас жуткая депрессия. И обо всех женщинах он говорит гадости. Они с папой работают на одном заводе, только дядя Вася в цехе мастером, а папа начальником лаборатории.

– Вот как? Я неисправимая кокетка? Чудесно! – мамин

голос зазвенел негодованием. – Василий свою семью бесконечными подозрениями разрушил, теперь за твою взялся? Ему, похоже, твоя счастливая жизнь покоя не дает!

– При чем тут моя якобы счастливая жизнь? – с накатанной колеи папулю всегда свернуть было сложно, а сейчас он завелся конкретно.

– Потому что не стоит слушать этих так называемых друзей! Надо своим умом жить! – ядовито заметила мама. – А то еще решат, что у тебя его маловато.

– Ты постоянно пытаешься перевести разговор на меня! – отец был мрачен до чертиков, я его таким не помню.

– Обо мне мы уже поговорили. Ты уже мне высказал все, что думал. Что еще ты мне желаешь сказать? Может быть, что я шлюха? – это грубое слово прозвучало как пощечина.

Отец немного помедлил, а потом неосмотрительно выпалил:

– Да немного уже осталось!

И тут в самом деле раздался звонкий звук пощечины.

И суровый мамин голос:

– Все, ты меня достал!

Отец после недолгой паузы саркастично заметил, видимо, решив, что мама тут же пойдет на попятную:

– Развод?

И услышал сногсшибательное:

– Думаю, что пора!

У меня от ужаса по спине потекли холодные струйки пота.

Шок! Полный и абсолютный. Думаю, то же самое испытывал и отец, потому что он потрясенно молчал.

Но мама продолжала, не обращая внимания на зловещую тишину:

– Вообще в измене подозревает изменник. Тот, у кого рыльце в пушку. Василий Антонине частенько изменял, потому и ее в этом же подозревал. Как говорится, судил по своему образу и подобию. Похоже, что и ты из той же оперы?

– Василий жене никогда не изменял, не клевети на него! – грудью встал отец на защиту друга. – Ты опять пытаешься перевести стрелки на меня! – фальшиво возразил он, это даже я услышала.

Заметила это и мама.

– Про Василия все точно, не сомневайся. В твоих глазах он белая невинная овечка, а в моих откровенный тупой бабник. Знаешь, дружок, – прозвучало зловеще, – будет гораздо лучше, если ты уедешь отсюда. Все-таки хотелось бы расстаться без мордобоя. А то я уже еле сдерживаюсь. Понимаю, что отвечать ты мне тем же никогда не будешь, потому прошу по-хорошему: просто уезжай! Насчет развода поговорим на свежую голову и в более спокойной обстановке. Думаю, будет даже лучше, если это сделают наши адвокаты.

Я впервые в жизни услышала, как отец грязно выругался. Через некоторое время глухо заурчал мотор нашего «Вольво», и стало тихо.

Сжавшись в жалкий комочек, я села на качели и при-

нялась покачиваться, отталкиваясь ногой от земли. Качели взлетали все выше, пока у меня нехватило дух от высоты.

Что это сейчас было? Неужели родители и вправду разойдутся? Меня охватил панический страх. Жаль было обоим. Папа, конечно, ревнивый, но я никогда не придавала этому особого значения. Я всегда была уверена, что отец искренне любит маму.

Но, похоже, это не так. Мама от простого замечания никогда бы так не взъелась. И таким решительным тоном тоже никогда говорить бы не стала. Она всегда старалась сгладить острые углы легким смехом или шуткой. Видимо, отец думал, что и сегодня будет так же. И просчитался.

Прижав локтем ридер, я потащила в дом. Надо поговорить с мамой. Выяснить, что случилось.

Зашла на кухню. Мама стояла у окна, с напряженными плечами, выпрямившись, как солдат перед боем.

– Я слышала ваши последние слова, мама. Ты это серьезно?

Она глубоко вздохнула, чуть помедлила, явно справляясь с собой, и повернулась ко мне. Криво улыбнувшись, видимо, чтоб не заплакать, сказала глухим от сдерживаемых слез голосом:

– Не знаю. Антон меня просто достал. Подвозил сегодня к работе, и у входа мне встретился наш заведующий отделением. Он мне руку пожал, сказал, что я молодец. Мы вчера с ним с того света больного вытащили. Трудно было, но мы

справились. Ну, не одни мы с ним, там еще целая бригада была. Он потом и остальных так же встречал и хвалил. И из-за такой ерунды Антон устроил мне мерзкую сцену, – она прерывисто вздохнула, справляясь с собой. – Понимаешь, я устала оправдываться. Устала шутить, когда хочется возмущаться и кричать от негодования. Раньше он таким не был. Это сейчас этот подлый Васька ему мозги выносит. Тоня от него ушла, так теперь он пытается другим жизнь отравить, чтоб не одному куковать. Уж нашел бы себе бабу попроще, чтоб на его загулы сквозь пальцы смотрела, так ведь нет.

Я сочувственно положила маме руку на сжатую в кулак ладонь.

– Уверена, папа скоро обо всем пожалеет. И попросит прощенья.

Мама обняла меня и грустно прошептала:

– Дело вовсе не в нем, доча, а во мне. Я от него устала. Эти вспышки ревности на ровном месте, бесконечные упреки ни за что... Хочу отдохнуть и подумать. Почему-то мне кажется, что одной мне будет легче, – почувствовав, как я вздрогнула, она постаралась меня утешить: – А может, я просто все преувеличиваю, и нам с ним нужно немного друг от друга отдохнуть, – и зловеще пообещала явно не мне: – Вот и отдохнем.

Я понурилась. Вот они – первые результаты жизни без бабушки. Это она сына сдерживала. Бабушка вырастила его без отца, дед рано умер, и она винила себя за то, что у него жен-

ский тип поведения.

И я была с ней согласна. Мамин отец, мой дедушка Миша, был всегда веселым, ласково подтрунивал над бабушкой, когда она сердилась, и я не помню, чтобы он ей что-то когда-нибудь прилюдно выговаривал. А с отцом это случалось. Редко, правда, но бывало. Ревность.

Конечно, маме, выросшей в большой дружной семье, где отец любил и уважал мать, на редкость неприятно слышать от мужа укоры, к тому же безосновательные. Она и так очень хорошая жена. Я знаю: в семьях моих подруг довольно часто ссорятся родители, но в моей за всю мою жизнь это первая явная размолвка. Раньше мама всегда смягчала папино ворчание, переводила все в шутку и делала вид, что все нормально. Я вообще считала, что она отходчивая. И вот теперь такой срыв. Видимо, в самом деле, край.

Возможно, ее тоже, как меня, выбила из колеи смерть бабушки. То есть ей-то она свекровь, но отношения у них всегда были по-настоящему родственные. Мама ценила бабушку, всегда заботилась, чтоб та не чувствовала себя одинокой, дарила хорошие подарки и никогда не забывала поздравлять с маленькими семейными праздниками. А вот отец забывал, хотя он у нее бы единственным сыном.

И вот теперь наша некогда замечательная семья была на грани развала!

Я не сомневаюсь, что папа скоро прибежит каяться и прощения просить. Но вот мама... Я читала про кризис сорока-

летних, но вроде бы родители его благополучно пережили? Или есть еще кризис пятидесятилетних? Или я просто пытаюсь загнать нашу семью под стандартные критерии?

Ничего не знаю!

И даже вмешиваться не хочу. Что-то глубоко внутри меня говорит, что не нужно ничего делать, пусть все будет, как будет. Это их жизнь, а не моя. Им и решать, как жить.

И снова, как маленькая девочка, спросила у кого-то наверху: «А что будет со мной? Как буду жить я?» Ответила сама себе весьма категорично: «Я уже взрослая. Выживу. Конечно, мне бы хотелось взрослеть в дружной любящей семье, но если этого не будет, не пропаду. Я сильная. Конечно, я останусь с мамой, отца я буду только смущать. Он наверняка будет налаживать личную жизнь, и путающаяся под ногами взрослая дочь ему ни к чему».

Мама легко поцеловала меня в щеку и подтолкнула к лестнице:

– Давай спать, поздно уже.

Я без возражений ушла к себе, понимая, что ей нужно побыть одной. Выплакаться хотя бы. Я лично плакать не люблю, потом у меня жутко голова болит и глаза опухают, но иногда это и в самом деле бывает необходимо.

Утром я слышала, как раньше времени на работу ушла мама, спеша на рейсовый автобус. Хорошо, что остановка рядом с товариществом, идти недалеко. Автобусы, правда, ходили только летом, но зимой мы тут и не жили.

Спать уже не хотелось, и я поднялась. Пошаталась в одной ночнушке по дому, потом приняла душ и переоделась. Решила заняться уборкой. Чудное времяпрепровождение, если на душе тяжело. Часам к трем управилась, перемыв все, что только было в доме.

Потом вышла на улицу, вдохнула свежего воздуха. Завтра надо будет снова сходить в деревню за молоком, а сегодня я решила прогуляться до моей тайной полянки с грибами. Ночью дождь прошел, значит, большую корзину соберу точно. На этой полянке росли грибы, не уважаемые аборигенами, – путики и синявки. Но мне они очень нравились. Бабушка солила их так, что пальчики оближешь. И они мне нравились больше рыжиков и лисичек.

И вот сегодня я в первый раз буду солить их сама.

Надела джинсы, кофту с длинными рукавами: по лесу полуголой ходить глупо. Хотя клещи и должны были перегореть – жара стояла почти месяц, но рисковать не стоит. На ноги – кеды, на голову – ситцевую белую косынку. Обвязала кругом, по-деревенски, да еще и лоб закрыла, чтоб не обгорел. Нос и щеки побрызгала спреем от солнца. Подумав, в карман сунула шокер. У нас прежде всегда было спокойно, но кто вооружен, тот в безопасности. Ну, я так думаю.

Нацепив солнечные очки, день был ярким, взяла корзинку и вышла из дома. Калитку захлопнула и быстро пошла по дороге, надеясь никого из знакомых не встретить. До полянки идти было минут тридцать, быстрее было бы на байке, но

никого из парней просить не хотелось. Уж слишком откровенными в последнее время были их взгляды. Отбиваться в лесу от возбужденного ухажера – оно мне надо?

Повезло, до полянки я добралась без ненужных мне встреч. Грибов в самом деле было много. Где-то за полчаса набрала полную корзину с верхом, аккуратно укрыла ее взятой из дома пленкой, чтоб ненароком не рассыпать, и отправилась обратно.

Глава четвертая

Повесив тяжелую корзину на сгиб локтя, я шла по тропке вдоль гравийной дороги, связывающей наше садовое товарищество с ближайшей к нам деревней – Ясини. Было уже часов пять, стоило поторопиться домой к приходу родителей.

Вспомнив о том, что произошло вчера, печально вздохнула и уточнила – к приходу мамы. Вряд ли отец появится так быстро. Он будет злиться где-то неделю, как минимум, прежде чем явится с повинной.

Позади раздался треск мотоцикла. Я вздрогнула. Вот ведь гадость! Ладно, если это кто-то незнакомый, а если нет? Если из наших парней, то могут до дачи подбросить, но какое-то шестое чувство мне говорило, что это чужак.

Я отошла подальше в стерню. Среди деревенских есть такие придурки, что могут на полном ходу по спине шлепнуть, типа в шутку. От такого «приветствия» запросто умереть можно, особенно если удар по сердцу придется.

Байк подъехал поближе, затормозил и раздался удивленный голос Красовского:

– Райка, это ты, что ли? Чего так вынарядилась?

Интересно, и что сейчас будет? Очередное соблазнение? Этот тип, похоже, времени даром не теряет.

Он объехал меня вокруг и вынес:

– Да ты классно выглядишь в джинсах! И чего в них рань-

ше не ходила? Попа такая соблазнительная, аж мороз по коже прошел!

Я молча пошла дальше, упрямо вздернув подбородок.

Он сделал еще круг.

– Что, сердисься, что я к этой садоводке клеюсь? Да не сердись, это я так, шутя! Ты ее куда краше, чес-слово! Вот те крест! Клянусь своим зубом! – и он сверкнул острыми зубами.

Так-так, надо понимать, «садоводка» – это я? И почему я даже не рассердилась? Да потому что сразу поняла, что он собой представляет – балабол и бабник. Но неужто есть девочки, клюющие на эту лабуду?

Упрямо иду дальше, уже с интересом ожидая продолжения. Он несколько раз объехал меня по какому-то странному эллипсу. Потом заявил:

– В кино сегодня пойдем? В зале темно, на задний ряд сядем. Никто ничего не увидит. Пошли? Вспомним молодость...

Ух-ты, ух-ты! И чем же они там на заднем ряду занимаются? Как-то не верится, что обходятся одними поцелуями...

– Так ты придешь?

Презрительно фыркая и молча иду дальше.

Это его задело, и он перерезал мне дорогу. Остановился, оперся на одну ногу. Ветер трепал его каштановые волосы, длинные, чуть не до плеч. Шлема он не носил, видно, ГИБДД здесь никого не тревожило. Чуть прищурился, разглядывая

меня. Неужто до сих пор не понял, что ошибся?

– Райка, что-то в тебе не так, но никак не могу понять, что именно. Это вообще ты? – тревожно спросил, с опаской.

Молча обошла его по кривой и спокойно пошла дальше. Но тревожно как-то. На всякий случай перевесила корзину на другую руку, освобождая правую для шокера.

– Не-а, это точно ты! – с облегчением постановил Красовский. – Но я так и не пойму, чего ты злишься? В первый раз, что ли? Мы же с тобой старые друзья... – это прозвучало как-то на редкость похабненько, и мне захотелось посмотреть на эту самую Райку. Странная она какая-то. Ее откровенно используют, можно сказать, ноги об нее вытирают, а ей это нравится?

Красовский снова обогнал меня и встал на дороге, преграждая путь. А у меня, между прочим, корзина тяжелая! Вот предложить корзину донести до него не доходит, а приставать – всегда пожалуйста!

– Я бы тебя до дому подбросил, но ведь откажешься, – помолчав, он добавил: – Как-то не нравится мне все это, на душе что-то противно стало. Это ты обо мне так плохо думаешь, или тут что-то другое?

Вот ведь какой телепат выискался! Мысли мои он чувствует, это ж надо!

Вдалеке послышался шум мощного мотора, и я с надеждой посмотрела назад. Может, кто-то из соседей едет? Прихватили бы меня, а то и тяжело, и неприятно.

На мое счастье, это впрямь оказались соседи из пятого участка. И не одни. На заднем сидении сидела мама. Увидев меня, она что-то сказала дяде Саше, управлявшему Той-отой, и он притормозил как раз рядом со мной. Мама открыла дверцу и скомандовала:

– Маша, садись скорей! Устала, наверное, до чертиков!

Я с облегчением подала ей корзину, села рядом и радостно вздохнула. Повезло. И корзину одной не тащить, и с этим ловеласом не объясняться.

Когда мы повернули на дорогу к товариществу, я увидела Красовского. Он сидел на байке, сложив руки на руле и безнадежно уронив на них буйную голову. И что это с ним? Расстроился, что я не Райка и теперь ему в кино делать нечего? Так пошел бы к ней, поговорил, глядишь, и проблема бы утряслась.

Приехали к даче, нас высадили возле нашего участка и на прощание пожелали мне расти большой и здоровенькой. Ох уж эта тетя Клава! Она меня все малышкой считает. У нее пожелания вот уже семнадцать лет не меняются. Стабильность, однако.

На часах было ровно четыре. Я вопросительно посмотрела на маму. Она кривовато улыбнулась.

– Вот и первый плюс от отсутствия Антона. Теперь я смогу приезжать пораньше, я же в три часа работу заканчиваю. Раньше приходилось его ждать, а теперь никого ждать не надо. Три часа личной жизни. По-моему, неплохо.

Слегка перекусив, мы сели перебирать грибы. Мама лучше меня в грибах разбиралась, и пару сомнительных она выбросила. Потом мы грибы промыли, часть поставили варить, часть замочили в рассоле.

Мама была несколько рассеянна, но крепилась. Молодец она. Стойкая. Зря папашка это все затеял, ох, зря. Потом я кое-что вспомнила и задала не очень приятный вопрос:

– Ты отцу сказала, что точно знаешь, что дядя Вася жене изменял. Это тебе тетя Тоня сказала?

– Нет, Тоня о таких вещах никогда не говорила, мы с ней не настолько близки.

Она замолчала, а до меня враз все дошло:

– Это он тебе интим предлагал, да?

Мама рассмеялась.

– Как у вас все просто, молодежь! – и нехотя подтвердила: – Да. Но он не мне одной предлагал этот самый интим. Я знаю пару дам, которые ответили согласием.

Я вспомнила неприличную поговорку: «женщины делятся на «дам» и на тех, кого просто плохо попросили». Похоже, мама это слово именно в таком контексте и использовала.

С улицы раздался громкий условный посвист. Мы одновременно повернули головы к окну.

– Иди, это наверняка тебя. Я все сама доделаю, – я колебалась, не желая оставлять ее одну. Мама погрозила мне пальцем: – Иди давай! Наслаждайся молодостью, пока никому ничего не обязана. А то, не дай Бог, выскочишь по глупо-

сти замуж за ревнивца и будешь ходить с вечно опущенной головушкой, камешки на дороге пересчитывать.

Пораженная ее словами, а особенно тоном, каким они были сказаны, я вышла за порог и увидела Вадьку. Он был без байка и одет прямо как в городе – джинсы и белая рубашка в мелкую серую полоску.

Я удивилась:

– Это что такое с тобой?

Он нахмурился, но потом широко улыбнулся.

– А это я тебя на свидание хочу пригласить. В кино сходим?

Я вспомнила предложение Красовского и провокационно уточнила:

– На задний ряд?

У него вспыхнул взгляд, и он с напрасно скрываемой надеждой протянул:

– А ты хочешь?

Пришлось остудить его горячую голову:

– Нет. Не хочу. Ни в кино, никуда вообще.

Интересно, что там парочки на заднем ряду делают, если все парни после этого предложения от восторга замирают?

– Значит, мне восвояси отправляться? – голос у него обидчиво дрогнул, и мне стало не по себе.

Ужасно не люблю обижать людей. Пришлось предложить:

– Можно на качелях посидеть, если уж тебе вовсе некуда пойти.

Он уточнил:

– Не куда, а не с кем. Ты же все понимаешь, чего прикидываешься?

И чего я должна понимать? Все-таки парни существа странные, до чертиков непоследовательные. Говорят вечно какими-то недомолвками, обиняками, типа «догадайся сама». А я загадки не люблю. Я их принципиально не разгадываю.

Открыла калитку, почему-то вспомнив, что Красовскому никакого позволения не надо. Он сам ходит, где вздумается. Надеюсь, после сегодняшнего прокола он больше здесь не появится. Ни один нормальный человек не сможет прямо смотреть в глаза другому после подобного.

Вадька прошел в калитку, подождал, пока я ее запру на засов, внимательно на меня посмотрел, обычно мы среди бела дня ее на засов никогда не запираем, хватает и обычного английского замка, но промолчал. Эта деликатность мне понравилась. Иначе как бы я смогла объяснить свою излишнюю предусмотрительность? Боязнью Красовского? Это уже фобией называется.

Я пошла за дом, Вадька за мной. И чего он так миндальничает? Прекрасно знает, где у нас качели, многократно на них качался. У него на даче, кстати, ничуть не хуже. Как-то раз он меня с них чуть не перевернул, они меня тогда с парнями на прочность испытывали. Качели чуть «солнце» не сделали.

Помню, боясь улететь в крапиву, я так в поручни вцепи-

лась, несколько дней потом ладони болели. Я с мальчишками все лето не разговаривала, но в ту пору их мое молчание не волновало. Ведь кто я для них была? Просто мелкая соседская девчонка, над которой можно и поиздеваться втихаря.

Это теперь все изменилось. Но все равно детский страх перед соседскими мальчишками остался где-то глубоко в душе, и сейчас я на Вадьку смотрела не как на друга по проказам, а как на старого обидчика.

И с чего бы это? Обычно я не помню ничего плохого, но после родительской размолвки в голову полезла всякая чушь. Когда, где и как он меня обидел. Хотя это глупо. Но почему-то старая обида весь белый свет застит. Мамины эмоции на меня транслируются, что ли?

Уселись на качели, принялись молча раскачиваться. Особо-то на них не раскачаешься, они тяжелые, но все равно приятно.

Молчание затягивалось. Я посмотрела на Вадьку. Он был мрачен и сосредоточен, будто перед трудным экзаменом. Вот блин! Он мне сейчас в любви начнет признаваться, точно! Опыт есть, мне с такими серьезными мордами уже человек пять поведало о высоких и чистых чувствах.

А потом сразу шло стандартное предложение интима. А чего резину тянуть? Типа это так положено. Если тебе парень в любви признался, ты просто обязана с ним переспать.

После того как я этим сопливым мальчуганам популярно разъясняла, что секс и любовь совершенно разные вещи, они

почему-то сильно обижались. Для них это было одним и тем же. Молокососы, одним словом. В общем, всем им пришлось искать себе другие постельные игрушки, я от этой почетной роли категорически отказывалась. И больше ни с кем из них не встречалась.

– Ты же знаешь, Маша, что давно мне нравишься...

Продолжать я ему не дала. На кой ляд мне эта дешевая патетика?

– Знаю. А так же знаю, что тебе нравится и Дашка с пятого участка, и Серегина сестра Ленка, и одноклассница бывшая, как ее, Лилька?

Вадька застыл. Конечно, застынешь тут, когда ты в любви до гроба клясться собираешься, а тебя в свои же старые увлечения тычут по самое не хочу.

– Маша, это все глупое детство...

– А сейчас ты вырос, стал большим и умным, ага?

Он с опаской на меня посмотрел. Потом выдал:

– Мне уже девятнадцать. Я скоро инженером стану...

Я так от смеха и покатила.

– Скоро? Ты сейчас всего-то на второй курс политеха перешел, тебе еще пять лет учиться! Это, по твоему, «скоро»?

Он увял. Мне его стало жаль, но что делать? Если на чувства каждого встречного-поперечного отвечать, никакой жизни не хватит.

– Я понял. Я тебе не нравлюсь.

Я дернула плечом.

– Я не знаю, нравишься ты мне или нет. Так ты вроде парень неплохой, но как вспомню твои надо мной издевательства, сразу в этом сомневаться начинаю.

– Ты мне за мою глупость мстишь? – он подтянулся и с негодованием на меня посмотрел.

– Мстить я тебе еще и не начинала. А вот мнение о твоём характере у меня сложилось стойкое. Ты из тех, кто любит покуражиться над тем, кто тебя слабее. Помнишь, как ты меня в компостную яму толкнул? В новом платье, между прочим. Просто для того, чтобы с друзьями надо мной посмеяться. Ты думаешь, я это забыла? Мне обидно до сих пор. Платье, кстати, пришлось выбросить. А мне его бабушка на день рождения подарила.

У него округлились глаза. Нервно облизав пересохшие губы, он хрипло проговорил:

– Ты никогда мне раньше об этом не говорила...

– Конечно, не говорила. Но это не значит, что я все забыла и простила. Для меня ты, наверное, всегда останешься не слишком хорошим человеком, уж извини.

– Давай я тебе новое платье куплю? – он исподлобья посмотрел на меня, уже догадываясь, что откажусь.

И я не обманула его ожидание:

– Не надо, вот еще! Мне семнадцать, скоро будет восемнадцать. Но та маленькая обиженная девочка, что живет глубоко во мне, просто вопит: держись от него подальше, он плохой! Надеюсь, я тебе все доступно объяснила? – это было

неправдой, вернее, не совсем правдой, но надо же мне как-то от него отбиться? Пусть обижается, это лучше, чем напрасно вздыхать под луной.

Он поднялся. Постоял передо мной с опущенной головой, потом сдавленно проговорил:

– Прости меня. Я не думал, что тебе было так больно и обидно.

Я усиленно закивала:

– Да, ты очень редко думал о чувствах других людей. Особенно тех, кого обижал и над кем откровенно издевался. Главное, чтоб тебе было хорошо и весело. Так что лучше иди своей дорогой. Встретишь еще ту, которой ты никаких гадостей не делал, вот для нее и станешь самым лучшим. А я вот такая. Злопамятная.

Он потеряно посмотрел на меня, потом повернулся, весь как-то поникнув, и вышел. Мне было его жаль, все-таки дружим мы давно, но что делать? Надеюсь, этот разговор заставит его хоть о чем-то задуматься, а то идет этаким победителем по жизни, по сторонам не глядит, а уж под ноги и подавно.

Немного подождав, встала, прошла к калитке, снова основательно ее закрыла и вернулась в дом. Мама была на кухне. Едва я зашла, она воскликнула:

– Доча, так это он испортил твое платье! А ты сказала, что упала! Я еще на тебя так сердилась, а это вовсе и не твоя вина была! Почему же ты ничего мне не сказала! Я бы этого

охламона!.. – и она многозначительно посмотрела на веник – опасное оружие в руках разозленной женщины.

Эх, что же это я! Ведь если я слышала разговор родителей, сидя на качели, то и на кухне слышно все, что говорится там! Пришлось срочно искать отмазки:

– Мама, ты мне сама с младенчества внушала, что ябедничать нехорошо! Вот я и не ябедничала!

– А рассказать о том, что тебя обижают, это вовсе не ябедничество!

– А что же это? – я обняла маму за плечи и потерлась щекой о ее плечо.

– Откровенность, – она погладила меня по голове, как маленькую.

– Извини, мама, но огорчать тебя для меня хуже горькой редьки. Да и вряд ли ты стала бы портить отношения с соседями из-за такой ерунды.

– Если мою дочь обижают, это вовсе не ерунда! – твердо заявила любящая мамочка.

– Мама, уверяю тебя, Вадька уже горько о том времени пожалел. Думаю, сейчас он бы согласился быть в свое время многократно поротым, чем выслушивать от меня упреки в давно прошедших шалостях.

Она грустно усмехнулась.

– Да, это так. Наверняка он сейчас проклиняет свое глупое озорство. Но тебе его вовсе не жаль?

– Нет, – я активно потрясла головой. – Он мне не нравит-

ся. Он чужой. Он неплохой в целом парень, но совсем чужой. За тобой ведь многие ухаживали, у тебя такого чувства не бывало?

Мама чуть сдвинула свои красивые ровные брови.

– Не помню. Никогда парней не делила по столь странному принципу. Мне было как-то ближе «нравится – не нравится». Чужой? Не помню.

– Ну, вот дядя Вася – он тебе чужой?

– Он не чужой, он противный.

– Это да, – я замолчала, не понимая, как еще можно объяснить свои ощущения. – Ну, это что-то вроде «мое – не мое».

– Поняла. Вадим – это не «твой». А кто тогда «твой»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.